Джон Армстронг
УКРАИНСКИЙ
НАЦИОНАЛИЗМ
ФАКТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Джон Армстронг

Украинский национализм. Факты и исследования

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=610955
Украинский национализм. Факты и исследования: Центрполиграф; М.:; 2008
ISBN 978-5-9524-3894-1

Аннотация

Труд Джона Армстронга, известного советолога и украинолога, – это документированная история украинского национализма времен Второй мировой войны. Автор подробно представил разнообразные социальные элементы националистического движения, проследил борьбу внутри его группировок и деятельность их лидеров в политической атмосфере тех лет. Он подверг глубокому анализу природу этого явления, распространение его в различных частях Украины, особенности проявления в период немецкой оккупации и источники живучести, а также показал, как оно трансформировалось под влиянием среды, в которой зародилось. Коснулся и крайних форм национализма – агрессии и зверств в отношении мирного населения в стремлении к расовой чистоте.

Книга особенно интересна тем, что базируется на многочисленных малоизвестных источниках: архивных материалах, мемуарах, статьях, которые настолько красноречивы, что позволяют читателям делать собственные сопоставления и выводы относительно феномена украинского национализма.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 18
Глава 3 30
Глава 4 47
Акт Провозглашения украинского государства 51
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Джон Армстронг Украинский национализм. Факты и исследования

Глава 1 Возникновение национализма

Летом и осенью 1942 года германские армии катились по просторам Украины; к ноябрю вся Украинская Советская Социалистическая Республика была в их руках. Во всем мире понимали значимость завоевания этой огромной территории с ее сорока миллионами жителей. Аграрное богатство Украины, которая была известна как «житница СССР», огромный промышленный комплекс Донецкого бассейна и богатые минеральные запасы – все это потерял Советский Союз и приобрела Германия. Пока что политические последствия этих завоеваний обращали на себя меньшее внимание, чем экономические, но они в некотором отношении превосходили по важности экономический эффект.

Хотя раздельное политическое развитие стало давней традицией на Украине[1], современный национализм – доктрина о том, что люди четко выраженной другой культуры должны создать независимое государство, – пришел поздно на эту землю. Для близкого наблюдателя первые зародыши национализма среди образованных групп населения на Украине появились, очевидно, в начале XIX века, и к середине того века Тарас Шевченко, величайшее имя в украинской литературе, давал поэтическое выражение националистическим чувствам. Однако организации исключительно политического характера, выразившие претензии на украинскую государственность, сформировались значительно позже[2]. У студента, изучающего современную политику, именно это позднее появление украинского национализма вызывает неподдельный интерес. Есть мало вещей более важных для понимания политических сил, формирующих современное общество, чем взаимодействие национализма в его различных проявлениях и социализма в его распространившихся формах. В этом отношении украинский национализм особенно значителен, потому что сформировался в то же время, когда марксистский социализм стал влиятельной идеологией в Российской империи. В то время, когда украинский национализм приобретал определенные политические цели, а доминирующий элемент – русский марксизм – принял политическую форму советского коммунизма, отношения между этими двумя силами становились все более сложными.

Этот факт, а также то обстоятельство, что украинский национализм являлся значительной силой, направленной на обеспечение себе поддержки пятой части населения Советского Союза, пожалуй, заслуживает того, чтобы украинский национализм стал предметом детального изучения, даже при том что он никогда не достигал своей главной цели – создания по-настоящему независимого государства. Более того, важность взаимодействия национализма и коммунизма предполагает, чтобы изучение было сфокусировано на той части украинской

---

[1] Термин «Украина» употребляется в этом труде (за исключением случаев, когда явно имеется в виду другое) для обозначения территории, включенной в Украинскую ССР в 1946 году. По существу, эта территория (за исключением Закарпатской Украины, о которой коротко говорится в некоторых местах этого труда) была включена в Украинскую ССР в 1941 году. Эта территория весьма близко соответствует – за исключением, как отмечается в главе 11, восточной части – украинской «этнографической» территории, то есть территории, на которой местное население говорит по-украински. (Здесь и далее сноски и примечания с цифрами принадлежат автору. – *Примеч. пер.)*

[2] *John S. Reshetar.* The Ukranian Revolution, 1917—1920: A Study in Nationalism (Princeton: Princeton University Press, 1952). P. 12.

этнографической территории, которая между 1920 и 1941 годами находилась под советским правлением. Этот регион, обычно известный как Восточная Украина, был подвергнут полному воздействию советской системы до периода, охватываемого в настоящем труде, в то время как Западная Украина была разделена между некоммунистическими Польшей, Румынией и Чехословакией в течение почти всего периода между двумя мировыми войнами. Хотя упор делается на Восточной Украине, Западная Украина также рассматривается в значительной степени как регион, в котором национализм проявлял себя особенно энергично и служил базой националистической активности.

Настоящий труд носит прежде всего политический характер по своей тематике и рассматривает национализм как движение, стремящееся к созданию независимого государства. Но он не ограничен политическим аспектом в узком смысле термина[3]. Поскольку украинские националисты не преуспели в организации государственного аппарата, то существует ограниченное поле для изучения конституционных или юридических структур. Как вскоре станет очевидным, природа различных националистических идеологий делает интенсивное изучение украинской политической философии предметом ограниченной ценности. Исходя из этого, я прилагал усилия, чтобы следовать по пути, иногда описываемому как «социология политики». Я проследил историю националистических партий и, насколько возможно, описал разнообразные социальные элементы националистического движения.

Много усилий было затрачено исследователями, чтобы проанализировать природу национализма и определить источники его живучести. Никому это не удалось в полной мере, так как подобно всем динамическим движениям, которые вышли далеко за пределы их первоначальных сред обитания, национализм приобрел дополнительные оттенки, а также трансформировался под влиянием различных веяний той среды, в которой он зародился. Это проблема специфической трудности – определить в любой стране, почему то или иное движение пустило корни; особенно это верно в отношении Украины. Одним из наиболее частых стимулов националистических настроений является религия, но образование самостоятельной украинской православной иерархии было скорее результатом роста националистического чувства, чем его причиной[4]. Другим стимулом национализма является существование отличительных народных традиций и быта. В дополнение к отличительным народным художественным формам, о чем будет упомянуто позже, было еще и явное различие между социальной организацией большинства украинских крестьянских общин до 1917 года и российских крестьян. На Украине народ, например, обычно не следовал излюбленной российской системе «передела», или периодического перераспределения сельхозугодий с вытекающим отсюда подчинением индивидуального крестьянина коллективу[5]. В 1905 году, до того как этот народ стали считать отдельной нацией, Маккензи Уоллес, проницательный наблюдатель заделами в царских владениях, отметил следующее:

«Город Киев[6] и окружающая страна – на самом деле малороссийские, а не великороссийские, и между этими двумя группами населения есть глубокие различия – различия в

---

[3] Не было сделано никаких попыток рассмотреть прежде всего культурные аспекты национализма (например, литературные произведения) военного времени в той мере, в какой они напрямую связаны с национализмом как организованным политическим движением. В главе 13, однако, литературные течения, которые представляют собой резонанс националистических идей, являются главным предметом рассмотрения.

[4] См. главу 8.

[5] *Cf. Geroid Tanquary Robinson.* Rural Russia under the Old Regime: A History of the Landlord-Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917. New York: The Macmillan Company, 1949.

[6] Вторая форма написаний некоторых названий – украинская. Населенный пункт в этом труде встречается обычно в форме, употребляемой властью, которая с 1945 года контролировала район, где он находится. Это значит, что населенные пункты, находящиеся теперь в СССР, обозначены русскими формами, а некоторые, находящиеся теперь в Польше, – польскими формами. Там, где украинские названия отличаются, они даются в скобках после первого наименования. В некоторых случаях (особенно если речь идет о реках), когда другая форма уже устоялась для тех, кто читает по-английски, мы

языке, одежде, традициях, народных песнях, пословицах, фольклоре, быте, коммунальной организации. В этих и других отношениях малороссы, южные русские, русины илихохлы, как их по-разному называют, отличаются от великороссов севера, которые составляют доминирующий фактор в империи и которые дали этой замечательной структуре ее существенные характеристики. Действительно, если бы я не боялся без нужды бередить патриотические настроения моих великоросских друзей, у которых есть своя любимая теория на этот счет, я сказал бы, что мы имеем дело с двумя разными нациями, более далекими друг от друга, чем англичане и шотландцы. Различия объясняются, я считаю, частично этнографическими особенностями и частично историческими условиями».[7]

Как заметил Уоллес, языковые различия между украинцами и русскими существенны. Фактор языка действительно использовался очень часто как решающий критерий для различения двух этнических групп[8]. На протяжении XIX столетия самостоятельный, но все еще развивавшийся украинский литературный язык строился на речи, распространенной среди крестьянства. Этот язык принадлежал к восточнославянской языковой группе и поэтому ближе к русскому, чем к любому другому языку, хотя русский не очень понятен большинству крестьян. Однако он уже обосновался как литературный язык Восточной Украины, до того как литературный украинский стал заметным явлением, и был привычным почти для всех образованных украинцев в Советском Союзе.

Важно заметить тем не менее, что приверженцы украинского национализма руководствовались вовсе не такими критериями, как религия, народный быт или язык; более весомым для них стало обращение к общей исторической традиции, утверждение, что украинский народ, когда-то великий и независимый, потерял свое наследие. В Европе на рубеже столетий существовали, на взгляд поверхностного наблюдателя, два класса наций: те, которые воплотили себя в независимые государства, и те, которые нет[9]. Фактически вторая группа была подразделена на «исторические» нации, представители которых помнили, что обладали в современной истории собственной устойчивой государственной формой, и нации, которые не были настолько удачливы. Среди первых можно упомянуть поляков, чья республика исчезла в предыдущем веке, чехов, которые по-прежнему сохраняли остатки своего старого государства в Богемии. Однако для таких народов, как латыши, словенцы, а также для жителей Украины, никогда такого соборного момента, как государственность, не существовало; следовательно, нужно было хорошо поворошить страницы истории, чтобы подыскать сопоставимый символ единства.

Так как для становления нации было жизненно важно, чтобы ее язык и ее история воплощались в работах, которые могли вдохновлять лояльность национальной идее, то вполне естественно, что лидерами националистического движения должны были стать писатели. Здесь уже упоминался национальный поэт Шевченко, и он всего лишь один из ряда писателей – таких как Николай Костомаров и Иван Франко. Историки, которых возглавлял Мыхайло Грушевський, кто, возможно, больше чем любой другой заслуживает право называться отцом украинского национализма, были не менее важны[10]. Ранние лидеры движения – интеллектуалы почти что все без исключения – люди более слова, чем дела, – факт, который должен был иметь большое значение для будущего развития украинского национализма.

вышеупомянутой практике не следуем.

[7] *Sir Donald Mackenzie Wallace.* Russia (New York: Henry Holt and Company, 1905). P. 347.

[8] В этой работе мы называем тех, кто говорит на украинском языке как на своем родном, украинцами, но при этом не подразумеваем, что говорящие на нем обязательно отдают себе отчет в своей национальной обособленности.

[9] Эта концепция выражена в книге Хью Сетон-Уотсона Eastern Europe between the Wars, 1918—1941. Cambridge: Cambridge Univercity Press, 1946. P. 268—269.

[10] Ср. *Reshetar.* The Ukranian Revolution. P. 9.

Часть усилий по стимуляции исторического сознания жителей Украины сосредоточивается вокруг попытки показать, что их этническими и духовными предками являлись жители Киевской Руси, и опровергнуть, что русские произошли из средневекового киевского государства. Намного больше энергии было употреблено, однако, на изучение истории казаков из Запорожской Сечи (оплот за днепровскими порогами) и попытке показать, что их борьба с Польшей и Россией была на самом деле попыткой образовать независимое украинское государство[11]. Этот акцент был понятен, ибо память о свободолюбивых и воинственных предках – казаках была еще жива среди простых людей. В связи с этим преподносился особенным образом поразительный успех в XVII веке лидера казаков Богдана Хмельницкого, который водил свои армии против Польши на берега Вислы. Последующая история того, как Хмельницкий стал вассалом Москвы, чтобы обеспечить независимость от Польши, и как цари затем постепенно поглощали территорию его преемников, питает главное историческое обоснование утверждений, что союз с русскими был навязан Украине, то есть речь идет об одном из основополагающих национальных мифов.[12]

По всей вероятности, все это могло бы никогда не пустить корни без наличия отличительных исторических традиций, языка и нравов; современный украинский национализм развивался как двойственная подражательно-защитная реакция на зарубежный национализм. Германское националистическое движение начала XIX столетия с его романтическим акцентом на прославление национального прошлого, языка и обычаев простых людей оказало сильное влияние на зарождающийся украинский национализм. Более того, в пределах Австро-Венгерской империи культурно продвинутая часть украинцев находилась в тесном соприкосновении с глубоким национализмом галицких поляков. Поляки составляли в действительности правящий класс Галиции, которая однажды была частью польского королевства. Половина населения этой провинции, говорящая на украинском, никогда не теряла понимания своего национального отличия, так как между украинским и польским языками существует значительное различие, а этническое разделение совпадало с церковным. Поляки были римскими католиками, в то время как украинцы, хотя также состояли в подчинении папе римскому, были почти все христианами греческого (то есть византийско-славянского) обряда. Следовательно, неудивительно, что духовенство изрядно способствовало пробуждению украинского национального чувства в Галиции. Наиболее видным из таких священников был митрополит Андрей Шептицкий. Он был выходцем из семейства, которое относилось к польской знати, но чувствовал себя украинцем; его жизненный путь, длившийся почти полный период украинской националистической деятельности от рубежа столетия до завершения периода, охватываемого в этой работе[13].[14]

---

[11] Сравните объем текста, отведенного этим двум периодам по отношению к общему объему работы, в изложениях украинских националистов, таких как Мыхайло Грушевський, A History of the Ukraine, ed. O.J. Vernadsky / New Haven: Yale University Press, for the Ukrainian National Assotiation, 1941, и*Дмитро Дорошенко.* History of the Ukraine (trans. Hanna Keller /Edmonton: The Institute Press, Ltd., 1939).

[12] *Theodore Mackiw.* Prince Mazepa (Chicago: Ukrainian Research and Information Institute, Inc., 1967).

[13] С конца XVI века автор перескакивает на митрополита Шептицкого – несведущий читатель подумает в вышеприведенном контексте, что это человек из тех времен. В действительности он ушел из жизни в 1944 году, а до этого выходец из польской знати, прежде чем «почувствовать себя украинцем», успел послужить офицером австрийской армии. Потом он приветствовал приход на Украину «освободителей» – гитлеровские войска. При нем униатская церковь благословляла украинских эсэсовцев дивизии «Галычина». Во время оккупации он позволял нарушать запрет на работу в воскресные дни – для работы на «освободителей». Множество таких документов было выставлено несколько лет назад в Ивано-Франковске на выставке, посвященной Шептицкому, – разумеется, не с целью разоблачения, а как национальные реликвии. *(Здесь и далее примеч. пер)*

[14] См.: *Степан Баран.* Митрополит Андрей Шептицький и *Ілько Борщак* (Elie Borschak – этот автор больше известен по французской форме своего имени), Un Prelat Ukrainien: Le Metropolite Cheptyckyj (1865—1944) / Paris: Editions Franco-Ukrainiennes, 1946. Тот факт, что приходским священникам грекокатолического обряда разрешалось жениться, означал, что их национальные чувства могут переходить из поколения в поколение – фактор исключительной значимости для дальнейшего существования носителей «национального идеала».

Причины, почему украинское националистическое движение возникло в пределах Российской империи, не так и очевидны. К началу XX столетия большая часть видных людей украинского этнического происхождения, похоже, была русифицирована по части культуры и национального чувства, даже если иногда и становилось ясно, что они помнят элементы иной культуры родового прошлого[15]. Что Российская империя смогла выполнить такую крупномасштабную ассимиляцию – дань той степени, в какой она была наднациональна и избегала узких концепций этноцентризма. Хотя в шестидесятых годах и возникло влиятельное течение, когда Н.Т. Данилевский в своей работе «Россия и Европа» провозгласил приход панславизма, основанного на этнической русской гегемонии[16], для многих, особенно для чиновников правящей бюрократии, царское правление оставалось выражением экуменической традиции империи, «Третьего Рима», но такой, которая основывала свою власть на символах скорее всеобщего характера, чем национальной исключительности.

Однако претензии Российской империи на то, чтобы быть воспринятой, ослаблялись ее неспособностью решать социальные вопросы. Но какая бы масса культурных различий и исторических реминисценций ни способствовала формированию украинского националистического движения, трудно представить, как бы оно могло возникнуть, если бы к этому в большей степени не примешивался базисный раскол в социальном устройстве украинского общества. Там в необычной степени национальность совпала с экономическим классом. Почти все украинцы, за исключением кучки интеллигенции, были крестьянами; землевладельцами и чиновными лицами были поляки или русские, в то время как коммерческая буржуазия была в значительной степени еврейской. При таких обстоятельствах любое националистическое движение, вероятно, легко становится и классовым, и лидеры такого движения будут напирать на аграрную реформу и освобождение крестьянина от «эксплуататорских» групп.

И произошло, конечно, так, что украинский национализм стал врагом коммунизма. В основном коммунизм[17] в Российской империи в дореволюционный период и во время революции 1917 года был движением городским. И его идеология, и его практические возможности прежде всего побуждали сторонников коммунизма искать поддержку среди городских промышленных рабочих, ведомых и вдохновляемых группой инакомыслящих интеллектуалов. Он втягивал в себя все нации царской России, но был преобладающе русским и еврейским. Рабочую массу составляли в основном русские, а те немногие украинские рабочие, которые обосновались до 1917 года в городах, были по большей части русифицированы по языку и сознанию. Но коммунистические лидеры, с их четким осознанием реальных социальных условий России, поняли, что никакое чисто городское движение не сможет добиться успеха в стране на четыре пятых крестьянской. Поэтому они старались, особенно после мартовской революции 1917 года (очевидно, что речь идет о Февральской революции. – *Примеч. пер),* через механизм Советов вовлекать сельского жителя в революционное движение. Здесь коммунисты натолкнулись на оппозицию украинских националистов. В условиях беспорядка и дезорганизации после свержения царя украинские националисты были способны из стадии квазизаконной группы партий, намеревавшихся прежде всего пробуждать приверженность к культурному национализму, перейти к положению реальной, пусть и шаткой, политической силы. С весны 1917 до лета 1920 года эта сила, хотя и не представ-

---

[15] *Изаак Мазепа.* Україна в огні и бурі революції, 1917—1921: В 3 т. (Munich: Prometei, 1950—1951); и *Володимир Винниченко.* Відродження нації: Історія української революції, марець 1917 – грудень 1919: В 3 т. (Vienna, 1920).

[16] Автор несколько напутал: это сочинение не Н.Т., а Николая Яковлевича Данилевского, русского социолога и публициста, действительно идеолога панславизма.

[17] Большевистская фракция Российской социал-демократической партии не принимала названия «коммунист» до 1917 года, но во избежание путаницы я использую последний термин применительно к непрерывному по существу движению.

ляла больше единственного «движения», оказалась способной поддерживать ряд украинских правительств на территории Украины.

В задачи этой работы не входит детальное рассмотрение природы этих правительств, о которых уже много говорилось в других трудах[18]. Однако необходимо, по крайней мере, перечислить их. Первое, сформированное в апреле 1917 года, было известно как Украинская центральная рада («рада» является эквивалентом русскому слову «совет»), но в течение первых месяцев ее деятельности это был, по существу, полуавтономный административный орган, признававший верховенство Временного правительства в Петрограде. Демократическая и строго социалистическая по идеологии, Рада явилась детищем левых интеллектуалов, которые преобладали в национальном движении перед войной. В январе 1918 года она провозгласила независимость Украины, но немцы, оккупировавшие Украину в феврале 1918 года, разогнали Раду. Ее сменил квазимонархический режим, возглавляемый выходцем из землевладельческой аристократии Павлом Скоропадским, потомком гетмана, или вождя запорожских казаков[19]. После ноябрьского перемирия 1918 года это правительство, больше не поддерживаемое германскими войсками, пало и было заменено новым режимом, известным как Украинская народная республика (УНР)[20]. Он просуществовал почти два года, но был подвержен превратностям судьбы из-за усилий коммунистов завоевать Украину, стремления белых антибольшевистских армий вернуть Украину в Россию и желания Польши расширить сферу влияния до Днепра. Администрация, известная как Директория, скоро оказалась под контролем своего могущественного деятеля – Симона Петлюры, который как командующий вооруженными формированиями приобрел в тот период такую известность, что его имя с тех пор стало синонимом борьбы за национальную независимость среди наименее образованных элементов украинского населения.

Эти правительства, давшие Украине некоторую стабильность, получили поддержку многих из тех, кто хотел установления некоммунистического режима. Безусловно, немало людей, желавших крепкой власти, возлагали надежды и на консервативные военные формирования Деникина и Врангеля, белых генералов. Однако, прежде чем последний стал крупной фигурой, столь же консервативная власть в лице гетмана поддерживалась значительной частью верхних слоев царского общества, включая множество офицеров вооруженных сил. Приняв идею независимой Украины, некоторые офицеры, такие как генералы Всеволод Петров (Петрив) и Михаил Омельянович-Павленко, остались сторонниками националистического украинского режима, который пришел на смену режиму Скоропадского, и оказали ему ценную помощь в силу своих профессиональных качеств.[21]

С другой стороны, за исключением группы Скоропадского лидерство в украинском националистическом движении в течение революционного периода находилось главным

---

[18] *Reshetar.* The Ukrainian Revolution.

[19] Скоропадский был потомком по косвенной линии Ивана Скоропадского, избранного гетманом в 1708 году (Левобережной Украины; участвовал в войне против шведов – в отличие от сидевшего в Киеве гетмана Мазепы).

[20] Скоропадский в 1918 году бежал в Германию. Погиб в 1945 году во время бомбардировок союзниками Баварии. «Во время Второй мировой войны П. Скоропадский пытался наладить диалог украинских политиков с гитлеровцами с целью создания независимой монархической Украины» *(Історія* України. Львів, видавництво «Світ», 1998. С. 236).

[21] Биографии этих офицеров чрезвычайно интересны, так как проливают свет на процесс украинизации царских аристократов. Так, в родословной генерала Петрова больше норвежского и финского, чем украинского, но за несколько поколений до его рождения семейство обосновалось на Украине; известно, что «его национальное самосознание был пробуждено» финскими и шведскими офицерами-националистами из Великого княжества Финляндского во время прохождения службы в Варшаве в 1904 году. То, что дивизия, начальником штаба которой он являлся, была на 80 процентов укомплектована украинцами, когда произошла Октябрьская революция, возможно, побудило его встать в ряды национального движения (см. «За Украину», 28января 1945 г., с. 2, и 1 февраля 1945 г., с. 2). Омельянович-Павленко был сыном генерала из донских казаков и грузинской княжны, во время большевистской революции он находился в Одессе и присоединился к украинцам. См.: *Мирослав Мартынец.* Генерал-полковник М. Омельянович-Павленко (Вісті братства кол. вояків Першой УД УНА, август – сентябрь 1952. С. 1).

образом в руках интеллектуалов, и даже многие из последователей гетмана были писателями и учеными. Образованная молодежь Украины разделилась на тех, кто хотел участвовать в большевистском движении, и тех, кто выбрал путь левого национализма. Виктор Приходько, националист, который пережил тот период, описывает первых как людей, мысливших на «планетарном» уровне, желавших решить мировые проблемы все и сразу, а претензии на национальную общность рассматривавших как местнические. Одним из его школьных товарищей был Владимир Затонский, который позже стал одним из наиболее рьяных коммунистических деятелей Украины[22]. Даже перед войной он, утверждает Приходько, отказался иметь что-либо общее с украинскими культурными акциями, подобно «Просвите» – просветительскому обществу в городе Каменец-Подольском, где они были студентами, а предпочел связаться с «иностранцами» – русскими и евреями и был быстро вовлечен в революционное социалистическое движениие[23]. Основой для выбора в этом поколении молодых интеллектуалов, похоже, был случай, или психологический тип индивидуума, который, сделав первоначальный выбор, все более и более укреплялся в нем под совокупным воздействием сформировавшихся ассоциаций. Таким образом, ко времени, когда революционные конфликты близились к завершению, образованные классы на Украине были совершенно раздроблены. Еще более разделенным было крестьянство – реальная основа любого движения независимости. Они – или по крайней мере те, кто преуспевал выше среднего уровня, – первоначально приветствовали создание украинских правительств. Растущее бессилие новых режимов и их увлечение фракционной борьбой и нереалистичными программами вместо практических мер вызывали явное равнодушие или потерю доверия крестьянства. Однако, согласно суждению одного из самых способных студентов революционного периода, украинский крестьянин предпочел националистическое правительство любой красной или белой администрации, поддерживающей центральный режим.[24]

Тот факт, что коммунисты победили физически, не может служить доказательством серьезной народной поддержки, ибо в основном ее оказали русские городские рабочие извне Украины. Однако украинское правительство Петлюры было значительно дискредитировано, потому что не сумело уделить достаточного внимания потребностям крестьянства и установить закон и порядок. Кроме того, союзом с Польшей оно нарушило свое обещание представлять всю украинскую нацию. Это следовало из того факта, что Галиция, которая при распаде габсбургской монархии сформировала собственную Западноукраинскую республику, была отдана варшавскому режиму как плата за помощь на востоке. С этим решением большинство населения Галиции отказалось соглашаться. Однако Польша и Советский Союз заключили мир (автор не в курсе, что тогда еще не было такого понятия – Советский Союз, которое появилось в 1922 году. – *Примеч. пер),* и вскоре после этого остатки украинской армии и бюрократии перешли в Польшу, чтобы быть там интернированными. Из этого укрытия группа в несколько сотен человек под командованием полковника Георгия Тютюнника совершила в октябре 1921 года последнюю отчаянную вылазку в оккупированную Советами Украину.[25]

---

[22] В.П. Затонский занимал высокие партийные и государственные посты на Украине и в Москве. Подвергся сталинской репрессии и погиб в 1938 году.

[23] *Виктор Приходько.* Краківськи вісті. 1942. 18—19 января. С. 2.

[24] *William H. Chamberlin.* The Ukraine: A Submerged Nation (New York: The Macmillan Company, 1944). Кроме того, один из лучших коммунистических историков революционного периода на Украине, M.G. Rafes, бывший сторонник еврейского Бунда, говорит: «естественное» развитие крестьян (и рабочих, особенно на сахарных рафинадных заводах в маленьких городах) шло в сторону «национального социализма», «Украины для украинских крестьян», правда, он добавляет, что их вдохновляла «реакционная буржуазная интеллигенция»; см.: Два года революции на Украине: эволюция и раскол Бунда. М., 1920. С. 8. См. также всесторонний анализ Борыса *(Jurij Borys.* The Sovietization of Ukraine, 1917—1923), особенно с. 57—72 и 164—170.

[25] *Мазепа.* Україна в огні і бурі революції. Т. 3. С. 96—105.

После этого Восточная Украина оказалась под властью коммунистов, которой уже невозможно было бросить военный вызов. Какое-то время, однако, казалось, что рост националистических настроений – они росли даже среди тех, кто давно был сторонником марксистских доктрин, – мог бы принести то, чего не удалось добиться оружием. Чтобы понимать эту ситуацию, необходимо вспомнить, что коммунисты при Ленине изменили свою первоначальную позицию, чтобы апеллировать к национализму нерусских. В январе 1918 года, вскоре после прихода большевиков к власти, III съезд Советов утвердил теоретическое право всех наций царской империи идти своим путем и отделиться от большевистского правительства в Москве. В то же самое время это право перечеркивалось упоминанием о том, что оно может быть осуществлено только «трудящимися массами». Хотя позиция коммунистов была сформулирована более чем двусмысленно, их приверженность тезису о том, что интересы трудящихся представляет только коммунистическая партия и что нероссийские компартии составляют неотделимую часть центральной большевистской организации, превращала на деле самоопределение в фикцию. В последующие годы центральное партийное руководство использовало вооруженную силу когда можно, чтобы подтвердить, что местные компартии, низведенные до уровня простых филиалов единой партии, должны «править» в своей отдельной нации, которая составляла часть царской империи.

Изначально поставив целью жесткий коммунистический контроль, лидеры большевиков, однако, сделали широковещательные заявления против «великорусского шовинизма» и определили, что культура каждой нации должна быть «национальной по форме, социалистической по содержанию». Поощренные этим очевидным желанием развития национальной культуры в ущерб российскому культурному господству, которое навязывалось их народам в царские времена, многие из коммунистических лидеров наций с установлением коммунистического контроля энергично принялись налаживать независимую культурную жизнь. На Украине главным таким руководителем в начале двадцатых годов был нарком образования Александр Шуйский; после его смещения в 1927 году на его место пришел Николай Скрипник, еще более рьяный коммунист, но твердый сторонник украинского культурного национализма[26]. До какой степени эти люди были искренними приверженцами украинского национализма и до какой степени их благосклонность к нему мотивировалась желанием обеспечить себе народную поддержку и обуздать высокомерную власть Москвы с ее идеей интернационализма, который, по мнению Москвы, более соответствовал родоначальной коммунистической идеологии, трудно сказать. Во всяком случае, они пошли довольно далеко в поощрении чисто украинских черт и традиций, особенно в просвещении, литературе и образовании. В то время как эти коммунистические сторонники украинского национализма всегда составляли лишь долю правящей группировки на Украине и, следовательно, полностью не могли искоренить проникновение русских традиций в украинскую культурную жизнь, они, однако, способствовали развитию поколения молодых людей, которые привыкли думать и писать на украинском литературном языке, хотя многие продолжали расценивать владение русским как признак культуры.

Возможно, коммунисты группы Скрипника оставались в сердце более преданными коммунизму, чем национализму. Иначе обстояло дело, конечно, с очень большой группой интеллектуалов, одни из которых были представителями входящего в жизнь поколения, дру-

[26] За прошедшие сорок лет появилось немало крупных научных работ по различным аспектам советского правления на Украине до Второй мировой войны. Наиболее важные: *Borys.* The Sovietization of the Ukraine, во многих отношениях лучшая монография по Советской Украине того периода; *Robert S. Sullivant.* Soviet Politics and the Ukraine, 1917—1957 (New York: Columbia University Press, 1962); *George S. N. Luckyj.* Literary Politics in the Soviet Ukraine, 1917—1934 (New York: Columbia University Press, 1956); *Basil Dmytryshyn.* Moscow and the Ukraine, 1918—1953 (New York: Bookman Associates, 1956); *Hryhory Kostiuk.* Stalinist Rule in the Ukraine (New York: Frederick A. Praeger, 1960). *Jurij Lawrynenko.* Ukrainian Communism and Soviet Russian Policy toward the Ukraine: An Annotated Bibliography (New York: Research Program on the USSR, 1953).

гие – из тех, что поддерживали национальные правительства революционного периода, но позже приняли советскую власть. Особенно заметным среди последних был Михаил Грушевский (Мыхайло Грушевський); хотя он некоторое время был президентом Рады (Центральной рады в 1917—1918 гг. – *Примеч. пер),* он решил вернуться на Советскую Украину, когда, казалось, там открылась возможность для националистической деятельности. Для него и его группы, которая состояла преимущественно из ученых и людей литературы, реальная цель состояла в том, чтобы пересмотреть коммунистическое предписание и строить культуру «социалистическую по форме, национальную по содержанию». Таким образом получилось, что Грушевский, который всегда в определенной мере принимал социалистическую доктрину как базу для необходимых реформ на Украине, уделил внимание марксистской идеологии в своих исторических сочинениях, но ясно показывал, что высшей реальной ценностью для него была украинская нация. Кроме того, он и его группа придерживались позиции, что исторически и экономически Украина была больше связана с Западной Европой, чем с Россией.

С коммунистической точки зрения такие идеи таили в себе достаточную опасность; в то время как коммунизм мог допустить на какое-то время в основе своей антипатичные ему формы, он не мог позволить, чтобы его собственные формы использовались как прикрытие для развития независимой идеологии. Похоже, Сталин, который настаивал на самом строгом соблюдении всех соответствий, принялся сокрушать «отклонение» украинцев в национальном вопросе, как только его власть набрала достаточную силу. Действительно, первые шаги в этом направлении были сделаны уже в 1927 году. Крупная атака развернулась, однако, в 1930 году – это были увольнение Грушевского с его академического поста (в 1929 году он был академиком АН СССР. – *Примеч. пер.)* и репрессии против его научного журнала «Украина». Наряду с атаками, которые развернулись против представителей интеллектуальной жизни, включая некоторых преданных марксистов, подобно историку Яворскому, выступавшему за независимое развитие Украины, прошли суды над учеными, обвиненными в принадлежности к подрывной лиге освобождения Украины[27]. Вряд ли случайно, что эта кампания преследований явилась простым совпадением по времени с коллективизацией сельского хозяйства на Украине. Во многих отношениях образование колхозов (по-украински «колгосп») ударило по украинскому крестьянину гораздо сильнее, чем по российскому. Первый был в основном более зажиточным, и, следовательно, терять ему было больше; кроме того, отсутствие традиционной общинной сельскохозяйственной организации на Украине делало для него новую систему более чуждой и отталкивающей.

Похоже, именно украинское крестьянство составило огромную, если не преобладающую часть тех несчастных миллионов людей, депортированных как «кулаки» в Сибирь или Казахстан либо в голодные жалкие трущобы разрастающихся советских городов. Очень вероятно, что эта ситуация породила потенциальную основу для национального восстания, которую создавал экономический и социальный гнет со стороны иностранных правителей подобно тому гнету, что существовал до войны со стороны польских и русских правительственных чиновников и землевладельцев. Коммунисты часто были вынуждены опираться на неукраинских – русских и еврейских – интеллектуалов, рабочих из городов, где они имели реальную поддержку, или людей, привезенных из самой России, чтобы выполнять планы коллективизации. Следовательно, вероятно, подавление националистической интеллиген-

[27] См., в частности: *Kostiuk.* Stalinist Rule in the Ukraine. P. 86—89, который убедительно доказывает, что эта организация и связываемый с нею «союз украинский молодежи», возможно, никогда не существовали вообще. См. также: *Luckyj.* Literary Politics in the Soviet Ukraine. P. 154—155; *John S. Reshetar.* National Deviation in the Soviet Union, American Slavic and East European Review, XII (April, 1953), 162—174; *Т. Скубытськый.* Классовая борьба в украинской исторической литературе // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 27—40; и *Boris Krupnyts'kyi.* Die ukrainische Geschichtswissenschaft in der Sowjetunion 1921—1941, Jahrbucher fur die Geschichte Osteuropas, 1941.

ции в это время носило, по крайней мере частично, характер превентивной меры, направленной на ликвидацию группы, которая сама по себе несла в себе ограниченную опасность, но могла бы оказаться реальной угрозой для коммунистов, если бы смогла использовать недовольство крестьян, чтобы обратить их к национализму.

В то время как в Советской Украине занимались подавлением четко выраженного национализма, несколько иное развитие событий имело место в Западной Украине. В Польше крайне националистическая политика поляков, которые славились шовинизмом и когда находились под властью Австрийской империи, стала носить еще более угнетающий характер по отношению к украинцам с восстановлением польского национального государства. Как было выше отмечено, соглашение Петлюры с поляками вызвало глубокое недовольство украинцев в Галиции. Хотя большинство националистов пытались сгладить критику против Петлюры лично, особенно после его убийства в Париже в 1926 году, большинство западных украинцев не поддерживали эмигрантское правительство Украинской народной республики. Западноукраинцы, напротив, пытались найти собственные подходы к проблеме поддержания украинского уклада жизни в условиях притеснения не тоталитарными, но нетолерантными иностранными националистическими правительствами.

Одним из предпринятых шагов было формирование законно признанных партий, которые проводили избирательные кампании и посылали своих представителей в Польский сейм, где те пытались защищать интересы этой группы населения в рамках средств, разрешенных правительством. Этот вид политической деятельности наряду с широким разнообразием работы, нацеленной на развитие украинской культуры и поддержание национальной самобытности, поглощал усилия весьма значительной части западноукраинской интеллигенции в двадцатых и тридцатых годах. В частности, в эту деятельность было вовлечено большинство людей старшего поколения, которое выросло в относительно мирных и стабильных условиях австрийского правления, затем круги, близко связанные с грекокатолической церковью, и большинство людей либеральных профессий. Хотя и существовало несколько мелких партий, которые имели авторитарные наклонности, большая часть политических сил этого рода была сгруппирована в Украинском национальном демократическом объединении (Українське національне демократічне об'єднання – УНДО), которое было определенно демократическим по характеру, в его программе перемешались католическая, либеральная и социалистическая идеологии. Его усилия увенчивались весьма незначительным успехом – от периодов относительно удовлетворительного сотрудничества с поляками до ожесточенного бойкота со стороны невыносимо репрессивного режима.[28]

Некоторые западноукраинцы скоро отвергли путь подлаживания под польское правительство; в начале двадцатых они обратились к коммунизму, связав с ним надежды на удовлетворение и национальных чаяний, и социальных потребностей. Хотя экономическое положение галицких украинцев было не столь бедственно, как на востоке Украины до и после войны, они страдали от нехватки сельскохозяйственных площадей, от невысокой производительности сельского хозяйства и, прежде всего, от того факта, что огромное большинство административных и рабочих мест в городах, которые могли бы служить в будущем естественным полем приложения сил и способностей для их сыновей, были заняты поляками и евреями. На Волыни условия были намного хуже; вероятно, они были столь же плохи, как и экономические условия в пределах Советской Украины до 1930 года. Следовательно, для коммунистической пропаганды существовала широкая экономическая база. В обстоятельствах, в которых, похоже, складывался националистический украинский коммунистический режим в Киеве, эта пропаганда обратила усиленное внимание и на националистические элементы среди западноукраинцев. В результате две прокоммунистические орга-

[28] См.: *Raymond L. Buell.* Poland: Key to Europe (3rd ed.; New York: Alfred A. Knopf, 1939).

низации – Украинская партия труда (Українська партія праці) и партия сельских тружеников (селянсько-робітнича партія – сельроб) – имели значительный успех, особенно на Волыни. С чисто националистической точки зрения более серьезным явилось то, что многих студентов, хребет нового поколения, которое должно было бы продолжать поддерживать национальную жизнь, привлекла коммунистическая программа.[29]

В то же самое время широкую поддержку получили крайние движения разного типа. Движение, которое известно у американских ученых как «интегральный национализм», возникло в Западной Европе на исходе XIX столетия, значительно раньше того, как коммунизм стал фактором какой-либо реальной политической важности. Общепризнано, что одним из первых выразителей этой идеологии был Шарль Морра, который вместе с группой крайних французских националистов и проповедников политической реакции основал «Аксьон франсэз» на рубеже столетий. Интегральный национализм никогда не пользовался особой привлекательностью во Франции или других западноевропейских странах, но в двадцатых годах в измененных формах он стал доминирующей силой в «недовольных» странах Центральной и Южной Европы.

Здесь он был элементом, который обеспечил идеологическую платформу для фашизма Муссолини и для подъема нацистской партии в Германии. Его влияние также сильно ощущалось в ультранационалистических партиях Польши, Венгрии, Румынии и Югославии. Поскольку интегральный национализм по определению скорее движение отдельных наций, чем универсальная идеология, и потому, что его сторонники отвергают систематические рациональные программы, трудно определить его точную природу. Следующие характеристики, однако, выделяются: 1) вера в нацию как высшую ценность, которой все другие должны быть подчинены, – по существу, тоталитарная концепция; 2) обращение к мистически постигаемым идеям сплоченности всех индивидуумов, составляющих нацию, обычно при условии, что биологические характеристики или необратимые результаты общего исторического развития сплавили их в одно органическое целое; 3) подчинение рациональной, аналитической мысли «интуитивно правильным» эмоциям; 4) выражение «национальной воли» харизматическим лидером и элитой националистических энтузиастов, организованных в единую партию; 5) прославления активного действия, войны и насилия как выражения высшей биологической живучести нации.[30]

В двадцатых годах эти концепции нашли отражение больше в европейской и меньше в американской мысли, даже если они не были открыто восприняты как политическая программа. Среди угнетенных наций Восточной Европы, где условия отличались от условий государств Центральной Европы и где новая идеология в конечном счете возобладала, новые идеи были с готовностью приняты, но в несколько измененной форме. Так было в Западной Украине в двадцатых годах, где две существенно отличных друг от друга группы подготовили почву для интегрального национализма[31]. Одна черпала свою силу из недовольства галицких солдат, которые вынесли на себе основную тяжесть борьбы украинцев за освобождение, ради того чтобы Польша зачислила их в граждан второго сорта. Наиболее активными были ветераны сечевых стрельцов, формирования, которым командовал полковник Эвген Коновалец в Восточной Украине. После краха Украинской народной республики эти части

---

[29] Stepan Baran in Krakivs'ki Visti, January 18—19, 1942. P. 2; *ЕМ. Галушко.* Нариси історії ідеологічной та організаційной діяльності КПЗУ в 1919—1928 (Львів: Видавництво Львівського університету, 1965).

[30] Классическая дискуссия по интегральному национализму см.: *Carlton J.H. Hayes.* The Historical Evolution of Modern Nationalism (New York: Macmillan, 1948). См.: *John A. Armstrong.* Collaborationism in World War II: The Integral Nationalist Variant in Eastern Europe, Journal of Modern History, XL (September, 1968), 396—410.

[31] Опубликованные источники включают в себя: *В. Мартинець.* Українське підпілля від УВО до ОУН: Спогади і матеріали до передісторії і історії українського організованого націоналізму (Winnipeg, 1949); Богдан Кравців в «Українець-Час», 10 июня 1951; и *Василь Рудко (Р Лисовий).* Розлам в ОУН // Українські вісті. 1949. 23 мая.

были расформированы в Галиции; многие из членов формирования объединились (в 1920 году) в нелегальную военизированную организацию, известную как Українська вийськова организация – УВО. Во время ожесточенной борьбы с поляками в двадцатых годах с этой группой обращались жестко, ей отвечали актами насилия. По существу, однако, это была скорее военная оборонительная группа, нежели террористическое подполье.

Реакцией на коммунизм стало появление более радикальных националистических групп. Как отмечалось, в начале двадцатых коммунистическое влияние угрожало большей части украинского студенчества; это было верно не только в отношении законно признанных университетов, но и для подпольного университета, который создали во Львове украинские ученые, чтобы дать академическое образование сотням молодых людей, которых поляки не допускали в высшие учебные заведения. Один из основных факторов отвращения студентов от коммунизма и вовлечения их в националистическое движение, организованное в 1926 году как Союз украинской националистической молодежи (Союз української націоналістичної молоді – СУНМ), была работа Дмытро Донцова. Выходец с Восточной Украины, Донцов стал активным пропагандистом национализма еще перед Первой мировой войной. В начале двадцатых его учение стало походить на учения интегральных националистов, хотя очевидно, что он заимствовал большинство своих идей скорее у немецких националистов типа Фихте и Хердера, чем у Морра или итальянцев, таких как Парето и Д'Аннунцио, например, Объем рукописи не позволяет произвести реальный анализ идеологии, которую Донцов с огромным успехом распространял среди молодежи Галиции. Эта идеология отклонялась от основ интегрального национализма и содержала в себе следующие особенности: 1) акцент на силу, свойственный этой идеологии, в значительной степени выражался в отсутствии возможности длительной открытой оппозиции доминирующей группе, в защите терроризма; 2) поскольку государства, которое можно было бы превозносить как носителя «национального идеала», не существовало, подчеркивалась огромная важность абсолютной приверженности «чистому» национальному языку и культуре; 3) отсутствие традиции государства, которое через свои институты и легальные структуры поддерживало бы национальные чаяния, и оппозиция существующим государствам вели к крайнему прославлению «нелегальности» как таковой; 4) в близкой связи с двумя предшествующими пунктами существенный иррационализм идеологии был выражен фантастическим романтизмом, который был, однако, среди сравнительно неискушенных украинцев более спонтанным и подлинным, чем циничное отклонение разумного со стороны немцев и итальянцев; 5) бездействие старшего поколения и его склонность к компромиссам с польскими «оккупантами» способствовали естественной тенденции интегрального национализма к тому, чтобы полагаться на молодежь и отвергать умеренность старших.

То, как эти элементы в идеологии доминирующих националистических партий повлияли на курс событий во Второй мировой войне, и есть главная тема этой работы. Здесь следует, однако, подчеркнуть, что интегральный национализм был не единственным выражением иностранного влияния на идеологию здешних националистических партий в период между двумя мировыми войнами. Также большое значение имели революционные традиции, которые распространились совсем рядом, на территории царской империи. В своей террористической подпольной деятельности в конце двадцатых и начале тридцатых годов, которая включала в себя прежде всего убийства польских должностных лиц и представителей советской власти, украинские группы брали пример с движений подобно российской «Народной воле» 1870-х годов[32]. В других отношениях они (и на самом деле

[32] Все эти утверждения следует оставить на совести автора. Известно, что народовольцы, во-первых, шли на самопожертвование, а во-вторых, факты свидетельствуют, что народовольцы, как правило, отказывались от воплощения замысла, когда видели, что могут погибнуть невинные люди, особенно дети. Наследники же – по автору – народовольцев вырезали целые семьи просто по национальному признаку (взять хотя бы резню поляков на Волыни). Наконец, в двадцатых годах

другие интегральные националисты, подобно германским нацистам) копировали большевистские методы, особенно в организации секретной политической полиции для поддержания «чистоты» партии и безжалостных методов внутрипартийной борьбы. Резкость и пренебрежение к правде в пропаганде также свидетельствуют о подобных влияниях. При этом у них остались, однако, сильные элементы либеральных и демократических, а также христианских принципов, даже если участники движения на словах отрицали их. Образование, уважение к установленной власти, индивидуальному выбору и народному волеизъявлению никогда полностью не исключались в реальной деятельности большинства самых радикальных групп. Интегральный национализм был лихорадкой, которая поразила некоторые наиболее активные элементы поколения после 1918 года, но легче понять это и, возможно, смириться с этим применительно к этой нации, чем к другим, которые имели больше возможности для самовыражения через государство и на основе закона.

В двадцатых годах Украинская военная организация и Союз украинской националистической молодежи постепенно перетянули на свою сторону почти все политически активные элементы запада Украины, кроме тех, которые стояли на стороне умеренных легальных партий. Помимо этого, всегда сохранялись близкие связи между организацией ветеранов и студенческой группировкой; в 1929 году эти связи были оформлены созданием ОУН (Организация украинских националистов), в которой обе группировки соединились в единую партию, которая была призвана продолжать борьбу и политическими, и насильственными средствами против всех угнетателей украинской нации[33]. Путем обращения к разочарованной молодежи, жившей под польским правлением, и привлечения на свою сторону многих недовольных эмигрантов с востока Украины новое движение быстро обрело весомую силу.

В течение восьми лет им руководил бывший командир сечевых стрельцов Коновалец. Его убийство, почти наверняка осуществленное советским агентом, 23 мая 1938 года стало серьезным ударом по ОУН.

Прежде чем новое руководство организации утвердилось у власти, оно столкнулось с ситуацией, которая явилась бы серьезнейшим испытанием и для куда более опытного руководящего органа. Соглашения, заключенные в Мюнхене в октябре 1938 года, ослабили Чехословацкую республику; украинские националисты начали агитировать за автономию маленькую и отсталую область Закарпатской Украины. В этом их поощрял нацистский режим, который хотел использовать украинский национализм как элемент, заинтересованный в разрушении чехословацкого государства, что облегчало бы последующее доминирование Германии. Очевидно, немцы хотели также поддержать украинский национализм Закарпатской Украины как потенциальную угрозу Советскому Союзу и Польше. В октябре 1938 года националисты объявляли, что Закарпатская Украина является «свободным, федеральным (в составе Чехословакии) государством», и в конечном счете Прага признала ее автономию, хотя экономически более важная часть была уступлена Венгрии. Местные украинские националисты, большинство которых были членами ОУН или сочувствовали ей, были организованы и готовы к тому, чтобы потребовать более решительных действий от руководителей ОУН, живших в эмиграции в Германии и направленных в Закарпатскую Украину по совету немецкой разведки[34]. Основная часть их действий была посвящена формированию

украинские националисты вряд ли успели так легко заразиться российскими революционными нравами – особенно если принять во внимание их столь идеалистические, как их рисуют, замыслы.

[33] Украинские авторы обычно используют термин «националист» применительно только к ОУН. Я употребляю термин в западном понимании этого слова.

[34] Рассказы участников и свидетелей тех событий в закарпатско-украинском «государстве» см.: *Василь Вереш-Сірмянський.* Закарпатська молодь//Українські вісті. 1947. 16 марта. С. 6; *Степан Росоха.* Карпатська Україна в боротьбі за державу. Там же, и *Юрій Таркович.* Сонце із заходу // Українські вісті. 1948. 17 марта. С. 5. О роли ОУН см. также *Рудко* (Українські вісті. 1949. 16 мая. С. 3) и *Seton-Watson,* Eastern Europe between the Wars. P. 395.

военизированной организации «Карпатская сечь», которая, они надеялись, сформирует ядро армии всеукраинского государства.

Когда немцы в марте 1939 года заняли Богемию и Моравию, они позволили Венгрии оккупировать остальную часть Закарпатской Украины. Украинские националисты были информированы относительно этого решения, и им было рекомендовано подчиниться венгерскому правлению[35]; они решили, однако, взять отчаянный курс на объявление независимости Закарпатской Украины с правительством, возглавляемым священником монсеньором Августином Волышиным. Эта «независимость», однако, продлилась лишь несколько дней; «Карпатская сечь» была не способна оказать эффективное сопротивление хорошо вооруженной венгерской армии. Первая крупная, почти за два десятилетия, попытка националистов освободить украинскую землю от иностранного владычества потерпела неудачу. Это событие стало предвестником еще многих подобных разочарований для ОУН и для всех украинских националистов.[36]

[35] Германский консул в Хусте (Закарпатская Украина) в Министерство иностранных дел, 14 марта 1939 года, и госсекретарь фон Вайцзеккер германскому консулу в Хусте, 15 марта 1939 года, Германия, Auswärtiges Amt, Documents on German Foreign Policy, 1918—1945, ed. Raymond J. Sontag et al., Series D, Vol. IV (Washington: Government Printing Office, 1953). P. 210, 237.

[36] *Степан Росоха.* Історія українського війска (Winnipeg: Vydavets' Ivan Tyktor, 1953. P. 593—603) и *Roman Il'nyts'kyi.* Deutschland und die Ukraine, 1934—1945: Tatsachen europäischer Ostpolitik, ein Vorbericht, Vol. I (Munich: Osteuropa Institut, 1955) о национализме в Закарпатской Украине.

Глава 2
Украинцы и польская катастрофа

Мало какие группы в Европе 1939 года выигрывали от изменения статус-кво больше, чем националистическая Украина. Все, кто мечтал о независимой и единой Украине, понимали, что она может возникнуть только в результате серии катастрофических перемен в Восточной Европе. Единственным же событием, которое могло бы инициировать такие сдвиги, была большая война.

В течение многих лет наиболее вероятной войной такого рода представлялась война между Польшей – возможно, при поддержке одной или более западных держав – и Советским Союзом. Позже, после прихода к власти Гитлера и феноменального роста германской мощи, вероятными противниками стали казаться Германия и Польша, с одной стороны, и СССР – с другой. Украинские националисты чувствовали, что любой из этих раскладов, вероятно, приведет к освобождению Советской Украины, поскольку и польские, и германские лидеры давно держали в своих главных планах на востоке отторжение этих земель от Москвы. Окончание польско-германского сближения в середине тридцатых рассеяло надежды на немедленную комбинацию сил в Центральной Европе против коммунистического угнетателя, но открывало перспективу, вряд ли менее привлекательную для многих украинцев, разрушения немцами ненавистного польского государства. Следовательно, несмотря на серьезное разочарование, вызванное нежеланием немцев поддерживать эмбриональное украинское «государство» в Закарпатской Украине, националистические круги в большинстве своем были готовы к концу 1939 года подстроиться к германской политике, как они это делали в предшествующие годы. В то время как шок от августовского германо-советского пакта о ненападении вызвал многочисленные вопросы относительно обоснованности этого курса, он не отвратил наиболее активные элементы от поддержания сотрудничества с Германией. Немногие, если вообще такие были, могли предвидеть, что Германия фактически позволит Советскому Союзу поглотить западноукраинские земли.

Движение Павла Скоропадского, возможно, из всех украинских националистических движений меньше всех подготовлено было воспринять столь неожиданные изменения, произошедшие после августа 1939 года. Как было отмечено выше, даже в дни своего правления на Украине это движение никогда не было численно велико. В эмиграции же оно еще более ослабло из-за того, что многие из его первоначальных сторонников были в глубине сердца приверженцами российской монархии и не видели проку в поддержании украинского «монарха», разве что он окажется единственным возможным правителем. В результате этого оттока сторонников гетман и его оставшиеся последователи по своим взглядам стали еще больше националистами; однако они вряд ли могли конкурировать с ОУН на этом поле, и они испытывали недостаток престижа УНР, который позволил бы им претендовать на место прямых наследников тех, кто когда-то пытался реализовать мечту о построении современного украинского государства. За исключением маленькой группы в Великобритании, основная масса эмигрантских сторонников Скоропадского были организованы на территории Большой Германии в «Украинскую громаду», которая, по их утверждениям, еще в 1940 году составляла около 3500 человек[37]. Большинство были людьми средних лет и старше.

---

[37] См.: Українська дійсність. 1-е изд. 1940. 15 ноября. С. 1, орган гетманской группировки. Чтобы ознакомиться со сжатым, но в целом точным и глубоким обобщением позиций этой и других украинских группировок в середине 1941 года, см. меморандум на основе досье германского министерства по делам оккупированных восточных территорий (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete, Occ E-4 /5/), в Yiddish Scientific Institute (далее Occ E-4 (5)). Так как подпись неразборчива, я не смог определить имя автора этого меморандума.

Нехватку численности и молодежной энергии гетманцы возмещали престижем своих сторонников. Наиболее видным среди них был – до своей смерти в 1931 году – Вячеслав Липинський, талантливый историк и философ, который, по признанию многих, считался наиболее оригинальным и глубоким украинским мыслителем периода после 1918 года. В рассматриваемый период его влияние в «Громаде» было усилено группой способных историков во главе с Дмытро Дорошенко. Официальная идеология движения была компромиссом между философскими рефлексиями таких людей и острыми проблемами реальной политики, особенно потребностью приспособления к зарождающемуся «новому порядку».

Опубликованный в 1940 году «катехизис» последователей гетмана делал упор на неизменной цели движения – скорее территориальный, чем этнический патриотизм как база будущего украинского государства[38]. Украинская нация, как заявлялось там, является организованным коллективом украинского народа, принадлежащего к «арийской» расе[39] – двусмысленное утверждение, которое было одновременно уступкой нацистской доктрине и намеком на готовность принять как часть в лоно украинской нации русских и польских «арийцев», живущих на украинской земле. Остальная часть программы была откровенно консервативной: классовое общество, основанное на учете интересов людей от «плуга», «станка» и «слова», гарантия права на жизнь, работу по призванию и защиту закона[40]. Церковь должна быть независимой, но единой с монархией[41]. Достаточно очевидно, что ввиду жестоких условий той сумятицы, которой предстояло охватить Украину в течение военных лет, доктрины, основанные на размышлениях о долгих путях украинской истории, будут поняты и оценены только наиболее мыслящими представителями новых поколений, выросших при сталинизме или привлеченных активностью крайнего национализма. Идеология гетманцев сама по себе, вероятно, доказывала непреодолимость препятствий на пути реализации властных планов группировки гетмана.

Несколько парадоксально, в свете ее идеологической позиции, которая фундаментально отличалась от учений национал-социалистов, группировка Скоропадского имела близкие связи с правителями Третьего рейха. Имелся, конечно, весомый прецедент для такой позиции – полная зависимость гетмана от оккупационных сил кайзера Вильгельма; кроме того, про гетмана известно, что у него были личные дружественные отношения с Германом Герингом[42]. Консерватизм гетманцев, хотя и отличался в важных вопросах от нацизма, был полезен немецким лидерам как фактор, который мог быть использован против коммунизма. Все же из-за тенденции этой группировки избегать насильственного действия она была менее пригодна практически для целей нацистских лидеров, чем намного более близкие к ним идеологически националисты ОУН. Временами консервативная осторожность сторонников Скоропадского достигала почти полной пассивности. В декабре 1940 года, например, их орган утверждал, что украинский вопрос не решается в настоящее время, и осуждал «агитаторов», которые пытаются «формировать министерства и задумывать международные комбинации», в рамках которых такое урегулирование могло бы иметь место[43]. Позже это приведет к почти невероятному спокойствию по отношению к немецкой жестокости на Украине. Например, 30 августа 1942 года сам гетман Скоропадский советовал своим сторонникам проявлять осмотрительность, сотрудничать с немцами против большевиков и выжи-

---

[38] *А.М. Андрієвський.* Катехизис, або наставления в державній науці для українського гетьманця-державника (Берлин, 1940. 15 августа).

[39] Там же. С. 3.

[40] Там же. С. 21 и далее.

[41] Там же. С. 23.

[42] *Joachim Joesten.* Hitler's Fiasco in the Ukraine. Foreign Affairs, XXI (January, 1943). P. 334.

[43] *Українська* дійсність, передовая статья, 1940. 1 декабря. С. 1.

дать мира. Он закончил утверждением, что «немцы должны быть убеждены, что украинцы – честный народ».[44]

С точки зрения идеологии и политической ориентации УНР была на противоположном полюсе украинской политики. Во многих отношениях, однако, ее развитие шло почти параллельно развитию гетманского движения. УНР была, конечно, «законной» преемницей республики 1918—1920 годов. Как было выше упомянуто, наследником первого президента, Симона Петлюры, был Андрей Левицкий, который продолжал считать себя главой государства с правительством в изгнании и, следовательно, стоящим над партиями. Фактически к 1939 году основная масса его сторонников были членами Украинской социал-демократической партии, хотя аура легитимности держала других, особенно социал-революционеров, в состоянии непрочной преданности ему. Кроме того, идеология группировки была бесспорно социалистической и демократический – хотя и несколько устарелого типа в силу довольно небрежно сформулированной утопической теории предреволюционной эры.

Некоторые тревожные события имели место в рядах УНР. Несомненно, никакая демократическая группа не могла бы пережить восемнадцать лет эмигрантского существования без каких-либо признаков вырождения. Основа силы демократического правительства и правления – частое возобновление поддержки путем выноса своей политики на всенародный вердикт и набора новых сил из народных масс – оказывается недейственной в условиях эмиграции. Это по существу своему динамическое явление становится статичным вследствие отрыва от масс, и члены такого правительства начинают заниматься собой. Здоровые явления демократической политики заменяют личная вражда, фракционность и борьба за внешнюю поддержку. Так шли дела и в УНР. Когда началась война, «правительство» было рассеяно в трех европейских столицах. Некоторые из менее важных министров были в Праге, где до недавнего времени демократическая атмосфера и поддержка чехословацкого правительства создали благоприятный климат для развития украинской культуры. В Париже находились Вячеслав Прокопович, премьер-министр, и Александр Шульгин, министр иностранных дел. Главным центром, однако, была Варшава – резиденция президента Левицкого и его министров Сальского и Смаль-Стоцкого. Такое распределение приблизительно соответствовало связям правительства с европейскими правительствами. Основными были связи с Польшей, как это было при Петлюре в последние месяцы его правления. У правительства в изгнании связи с Польшей стали еще теснее[45]. Когда разразилась война, значительное число прежних офицеров Украинской республиканской армии служили как профессиональные военные (офицеры по контракту) в польской армии. Кроме того, прометеевское движение, которое было основано украинцами в двадцатых годах и возглавлялось Смаль-Стоцким, всецело поддерживалось Варшавой. Это движение, которое пыталось объединить эмигрантских лидеров наций Советского Союза (исключая русскую), играло большую роль в польских планах создания блока государств в Восточной Европе, от Финляндии до Кавказа, в котором Польша могла стать истинно великой державой, пользуясь своим «естественным» положением лидера. Украинские лидеры прометеевского движения знали, конечно, о целях Польши, но, в своем подавляющем большинстве желая освобождения этих народов от коммунистического ярма, принимали помощь варшавского правительства.[46]

---

[44] *Український* державник, альманах на 1943 рік (Берлин, без даты). С. 8. В результате слабостей, указанных выше, гетманская группировка играла сравнительно незначительную роль в развитии реальных политических сил на Украине в течение периода, являющегося предметом этой работы. Посему нет смысла отвлекаться от обсуждения более важных проявлений активности.

[45] По крайней мере, они стали теснее после убийства Петлюры. Как отмечалось выше, он оставил Польшу из-за политики подавления украинской культуры и быта в границах Польши. Левицкий, однако, счел возможным оставаться в Варшаве, и в результате недовольство галицких элементов вынудило его еще более сблизиться с польским режимом.

[46] О прометеевском движении в начале войны см. написанное его лидером Смаль-Стоцким The Struggle of the Subjugated Nations in the Soviet Union for Freedom: Sketch of the History of the Promethean Movement, Ukrainian Quarterly, III (Autumn,

С точки зрения реальной политики зависимость лидеров УНР от Польши вполне понятна. К сожалению, польское окружение сделало многое для того, чтобы дать им почувствовать все минусы положения изгнанников. Тенденция к шовинизму в польском государстве, его быстрый отход от демократических принципов в тридцатых годах и атмосфера милитаризма и фракционности перекликаются в некоторой степени с параллельными процессами в украинском движении.

Результатом связей лидеров УНР с Польшей, а также следствием их демократической идеологии стало то, что они предпочли продолжать свою деятельность во Франции и Румынии, где получили определенную поддержку от официальных кругов. В Румынии находилась большая группа украинских эмигрантов, но политическая атмосфера там быстро ухудшилась подобно тому, как это было в Польше. Условия во Франции были гораздо более благоприятными, и тамошнее украинское республиканское сообщество, включавшее в себя людей, занимавших высокие места в правительстве УНР, осталось в основном демократическим по взглядам. Франко-советский договор, однако, казалось, уничтожал любую надежду на реальную помощь со стороны Франции. В то же самое время, как было отмечено, перспектива польско-германского сотрудничества против Советского Союза становилась реальнее. Эта перспектива была настолько привлекательна для лидеров УНР, что многие, включая президента Левицкого, отказывались видеть реальное ухудшение в германо-польских отношениях даже в конце лета 1939 года и отчаянно надеялись на поворот в немецкой политике даже после объявления о заключении договора Молотова – Риббентропа.[47]

Когда вспыхнула война, десятки украинских офицеров верно несли свою службу в рядах терпевшей безнадежное поражение польской армии. В ответ польское правительство уделяло явно незначительное внимание вопросам безопасности руководства УНР в Варшаве. Однако Левицкий в конце концов сумел покинуть Варшаву и переехать в украинскую этнографическую область Польши. Там его команда получила известие о довольно быстром подходе советских сил. Было решено, что предпочтительнее попасть в руки немцев, чем своих архиврагов. Перед тем, однако, как сдаться немцам, президент сумел сообщить Прокоповичу, что, в соответствии с конституцией, тот должен принять обязанности президента и что Шульгин должен, в свою очередь, стать премьер-министром[48]. Прометейцы, возглавляемые Смаль-Стоцким, достигли Львова и были в даже большей опасности перед лицом советского продвижения, но они также успели достичь немецких линий и были благополучно эвакуированы, вероятно, благодаря специальным усилиям адмирала Канариса, начальника разведки, который рассчитывал сохранить группировку для будущего использования против Советского Союза.[49]

После того как украинские республиканцы неохотно приняли покровительство немцев, те сразу стали обращаться с ними как с вражескими военнопленными. Их организация была объявлена незаконной, а лидеры оказались под строгим наблюдением и ограниченными в передвижениях. Однако вскоре к ним стали относиться менее строго. Множеству украинских «офицеров по контракту», номинально военнопленным, позволяли перемещаться в пределах оккупированной немцами Польши, в то время как нескольким политическим лидерам была предоставлена даже работа, связанная с написанием для немцев исследований по Украине. Несомненно, эти послабления были отчасти вызваны готовностью Левицкого и других лидеров поддерживать неофициальные контакты дружественного характера с немецкими представителями. Как будет показано, однако, они никак не

1947). P. 324—344.

[47] Интервью 13.

[48] Интервью 22; Наступ. 1940. 9 марта.

[49] Cf. *Karl Abshagen.* Canaris, Patriot und Weltbürger (Stuttgart: Union Deutsche Verlagsgesellschaft, 1949). P. 217; интервью 13.

желали становиться пешками в руках немцев и при удобном случае старались восстановить собственную свободу действий.[50]

В течение некоторого времени «правительство-преемник» в Париже было способно проводить независимую политику. Прокопович и Шульгин активно помогали делу союзников, особенно усилиями по вербовке значительного числа рабочих украинского происхождения в планируемый легион, который надеялись создать для помощи Финляндии в ее борьбе против Советского Союза. Прежде чем их планы смогли материализоваться, эти люди были захвачены в плен в результате быстрого германского вторжения во Францию. Шульгина направили в концлагерь, Прокопович умер через несколько месяцев после французской капитуляции, и вся значимая деятельность в этом регионе прекратилась.

ОУН, которая быстро увеличивала свое влияние в тридцатых годах, пошла другим курсом. Убийство Коновальца явилось серьезным ударом, но его наиболее болезненные последствия почувствовались не сразу. Вскоре после этого ОУН с головой ушла в формирование украинского «государства» в прикарпатской области Чехословакии. Крах этого проекта в марте принес крайнее разочарование. Это, однако, не дискредитировало ОУН в глазах большинства украинских националистов. В конце концов они увидели, что украинцы начали решительную, хотя и краткую, борьбу против обрушившихся на них невзгод, в то время как другие народы Чехословацкой республики подчинились диктату соседних держав, не оказав никакого сопротивления. Тысячи молодых закарпатских украинцев оказались в изгнании (главным образом в Большой Германии), расширив таким образом ряды ОУН. «Карпатская сечь», военная организация, которая боролась с венграми, заняла свое место в украинской легенде наряду с запорожскими казаками, сечевыми стрельцами и отрядом Тютюнника. Чистым выигрышем оказалось скорое повышение престижа организации, хотя сомнения в мудрости курса, которому она следовала, проявятся позже.

На момент начала войны руководство ОУН оставалось во многом таким же, как и до смерти Коновальца. Кроме его руководителя, Андрея Мельника, был еще и Провод в составе восьми членов. Важная роль этих людей в описываемых далее событиях требует того, чтобы подробнее сказать о личности каждого и их прошлом. Двое были генералами революционного периода; ОУН, как большинство украинских организаций, считала желательным иметь в руководстве лица, которые напоминали бы о днях активной борьбы за освобождение, чтобы таким образом теснее связать организацию с националистическим мифом. Роль генерала Курмановича, кажется, в значительной степени была ограничена этими соображениями престижа; нельзя сказать то же самое о генерале Капустянском, которому предстояло сыграть смелую и активную роль в националистической организации на востоке Украины после июня 1941 года. Ни один из них, однако, похоже, не оказал значительного воздействия на формирование политики организации. Также ограниченную значимость в формировании политики имели двое из более молодых членов руководства – Ярослав Барановский и Дмытро Андриевский. Барановскому было лишь тридцать три года, когда вспыхнула война, он был человеком совсем другого поколения, чем большинство членов руководства. Родом из Галиции, он являлся активным членом подпольной студенческой организации во Львове, был заключен в тюрьму поляками. Позже он продолжил изучение юриспруденции в Австрии[51]. Его возраст и предыдущий жизненный путь, похоже, сделали его естественным звеном в связи между руководством и галицкой националистической молодежью, и действительно, вплоть до 1940 года его влияние в этой группе было значительным. К сожалению для него, его репутация находилась в постоянной опасности и могла в любой момент рухнуть из-за того, что его брат, Роман, был агентом польской полиции, хотя Ярослав со всех точек зре-

[50] См. главу 4.

[51] См. некролог в «Наступе», ЗО мая 1943 г., с. 5.

ния был вне подозрений[52]. Андриевский, хотя был лишь несколькими годами старше Барановского, имел отличную от того биографию и функции в организации. Он уехал с Восточной Украины молодым человеком, некоторое время находился на дипломатической службе республики, а затем обучался на инженера в Бельгии. Примкнув к движению, он взял на себя значительную часть его внешних сношений, хотя главные контакты, поддерживавшиеся с Германией, осуществлялись через другие каналы. Его умеренность и писательский талант сделали его ценным достоянием организации.[53]

Следующими по шкале важности в Проводе были двое военных, намного моложе, но и активнее, чем упомянутые выше генералы. Ричард Ярый был уникален среди членов Провода тем, что не был украинцем по рождению. Нельзя сказать с уверенностью, был ли он чехом или немцем по происхождению; он служил офицером в австро-венгерской армии наряду с многочисленными галицкими украинцами, а с распадом этой державы его жребий пал на борющуюся Украинскую республиканскую армию. Он служил лояльно и хорошо, а после провала украинских усилий продолжал сотрудничать со своими товарищами в УВО. Поскольку Германия набирала силу, он установил тесные связи в кругах германской военной разведки. Для других членов Провода он был хорошим товарищем, талантливым сторонником их дела, которое отчаянно нуждалось во всякой помощи, и желанным посредником в отношениях с немцами. В то же самое время его считали амбициозным, предполагали, что он не слишком щепетилен. Некоторые из его коллег чувствовали, что его преданность украинскому национализму не была чистосердечной[54]. Полковник Роман Сушко, подобно Ярому, служил и в австро-венгерской, и в украинской армиях. Хотя и дискредитированный в нацистских кругах, он также был в тесном контакте с абвером. В отличие от Ярого, однако, он был типичный западноукраинец из галицкого крестьянского рода.[55]

Самыми влиятельными лицами считаются Мыкола Сциборский и Омельян Сенык. Сциборский родился в Житомире в 1897 году, в семье царского армейского офицера, юность провел в Киеве. Таким образом, он знал Восточную Украину такой, какой она была до революции. После службы в украинской армии он эмигрировал в Прагу, где учился на инженера и экономиста[56]. Примкнув к УВО и ОУН в течение этого периода, он быстро поднялся до положения официального теоретика ОУН; в этом качестве он оказался весьма влиятельным. Сенык, в отличие от Сциборского, являлся практическим организатором. Родом из Галиции (его отец был чиновником во Львове), он был также ветераном революционной борьбы, как и австро-венгерской армии[57]. Он принимал участие в подпольной работе в Польше в двадцатых годах, но вообще расценивался более молодым поколением как слишком умеренный и слишком консервативный. Но он, похоже, пользовался доверием Коновальца до самой смерти последнего и сразу после нее унаследовал практическое руководство организацией. В этом своем качестве он стал переходным звеном в передаче власти полковнику Андрею Мельнику.

Мельник был в состоянии сыграть роль уникальной важности в украинском националистическом движении. Во многих отношениях его естественные качества превосходно удовлетворяли данной роли. Этот человек прекрасно держался, с величием и достоинством, но одновременно отличался своим дружелюбием и самообладанием, и это среди людей, чувство собственного достоинства и уравновешенность которых, как правило, замещались

---

[52] Интервью 52, 75; *Богдан Михайлюк.* Бунт Бандери, 1950. С. 50.

[53] Интервью 48, 67.

[54] Интервью 67.

[55] См. некролог: Львівські вісті. 1944. 2 февраля. С. 2; письмо Райнхарду Хайдриху, Aussenpolitisches Amt der NSDAP, Reichsleitung, 18 сентября 1940 г.

[56] См. некролог в «Наступе», 27 сентября 1941 г., с. 1.

[57] Там же.

грубостью и экстремизмом. Родившийся в крестьянской семье Восточной Галиции, он был несколько старше (сорока восьми лет), чем большинство его коллег. После получения инженерного диплома в Вене в 1912 году[58] он служил в австро-венгерской армии. Там, как вспоминают, его коллеги-офицеры, австрийцы и украинцы, звали его «лорд Мельник» – не из сарказма, а в знак искреннего уважения воплощенной в нем английской концепции джентльмена, тогда еще считавшейся идеалом в Центральной Европе[59]. В своей последующей карьере, в которой не было особых взлетов, он не сделал ничего, что повредило этой репутации. При Коновальце он был начальником штаба сечевых стрельцов, а позже отбывал срок в польской тюрьме за участие в УВО. В отличие от большинства других лидеров, однако, его карьера в тридцатых годах проходила спокойно. Следуя своему инженерному образованию, он работал управляющим в огромном лесном поместье львовского митрополита.

Трудно сказать, можно ли считать Мельника набожным католиком, но, несомненно, он был гораздо ближе к церкви, чем почти все его коллеги. В течение множества лет до принятия Мельником руководства организацией он был председателем католической молодежной организации «Орло»[60] в Галиции, которую большая часть оуновской молодежи тех мест считала антинационалистической. Кажется вероятным, что его выдвижение на пост руководителя в Проводе очень устраивало круги грекокатолической церкви, которые таким образом надеялись рассеять антиклерикальные тенденции в ОУН и предотвратить дальнейшее распространение антихристианских элементов в ее идеологии. Одновременно близость Мельника к церкви и его умеренность, несомненно, приветствовались многими членами Провода, особенно Сеныком. Обстановка в Польше была в высшей степени неблагоприятна для создания и развития надежной основы для организованного украинского национализма, независимо от его идеологии. Террористический ответ на жестокое и кровавое подавление поляками всех национальных чаяний был понятен и приемлем время от времени для всех элементов в ОУН и одобрялся даже более широкими кругами галицкого общества. С течением лет, однако, эта тактика приобрела тенденцию выхода из-под контроля и, как следствие, наносила удар по целям организации, так как вызывала еще более жесткие репрессии, а также отчуждение тех членов украинского сообщества, которые все еще надеялись вести нормальный образ жизни. Отчуждение стало особенно явным к концу тридцатых, когда легальные украинские партии в Польше приобрели тенденцию все более отделять себя от подполья и пытались нормализовать отношения с польским правительством. Чтобы остановить эту тенденцию, ОУН нуждалась в более благоразумном и умеренном руководстве; связи с церковью, особенно с влиятельным митрополитом Шептицким, могли стать неоценимыми.[61]

Реальная трудность для такого сближения состояла в том, что оно было абсолютно несовместимо с развитием и идеологией ОУН. Официально Провод был приверженцем

---

[58] Наступ. 1940. 12 декабря. С. 3.

[59] Интервью 62.

[60] *Енціклопедія* українознавства, изд. Володымыр Кубийовыч и Зенон Кузеля (Мюнхен: Наукове товариство ім. Шевченка, 1949). С. 959.

[61] Это дедуктивный анализ, сделанный на основе обстановки в ОУН, а также прошлого и связей лиц из ОУН. Его нельзя подтвердить документально, но, кажется, он вполне соответствует всем известным фактам. По поводу комментариев относительно подозрений, порожденных связями Мельника с церковью и поддержкой его со стороны Сеныка, см.: *Васыль Рудко (Р. Лисовый)*. Розлам в ОУН // Українські вісті. 1949. 23 мая. С. 3. Следует заметить, что несколько критиков первого издания этой книги возражали против утверждения, что более молодое поколение оуновцев склонялось к антиклерикализму, хотя другие согласились с этой интерпретацией. Помимо украинских критиков самые веские возражения выдвинул Hans J. Beyer в Historische Zeitschrift, CLXXXVI (октябрь 1958). С. 422—424. Этот вопрос никогда, вероятно, не сможет быть прояснен окончательно, но я остаюсь при убеждении, что моя первая интерпретация является по своему существу правильной. Для подтверждения см.: *Лев Шанковський.* Похідні групи ОУН (Мюнхен: Видавництво «Український самостійник», 1958). С. 36.

интегрального национализма. В политическом контексте Центральной Европы тридцатых годов это подразумевало, что он сильно тяготел к фашистскому тоталитаризму. Тоталитарный элемент в идеологии ОУН состоял в акцентировании нации как сущности, ценимой выше всего прочего. Ей следовало служить любыми средствами, которые могут потребоваться. Сторонники ОУН утверждали, что государство – это попросту наиболее удобная форма национальной жизни, а не абсолютная ценность сама по себе, в отличие от нации[62]. Эта позиция была необходимой тактически, чтобы отчетливо выразить отличие ОУН от гетманского движения. Отведение государству второго места, однако, уводило движение еще далее в направлении обожествления мистической концепции нации, вплоть до расизма. «Национализм основан на чувствах, которые несет расовая кровь».[63]

Несовместимость таких доктрин с христианскими учениями нельзя было скрыть даже в атмосфере туманного романтизма, распространенного во многих националистических кругах. Так, католический глава Закарпатской Украины монсеньор Волышин в похвалу Мельнику отметил, что это человек типично европейской культуры, с идеологией, основанной на христианстве, и отличающийся от множества националистов, которые ставят нацию выше Бога.[64]

Это утверждение было, вероятно, справедливым, но сделало положение Мельника еще более аномальным. Мельник был лидером движения, чьей официальной идеологией был тоталитаризм; кроме того, все условия того времени и самого движения способствовали усилению тоталитарного элемента. Он пробовал действовать вопреки этой волне, умерить, хотя бы слегка, философию насилия движения. Чтобы добиться успеха, он был вынужден утверждать свою власть как автократический глава движения. Сейчас с исторических позиций может показаться верным, что тоталитаризм и автократическая власть отделимы друг от друга. В Центральной Европе 1939 года, однако, было трудно действовать, разграничивая эти понятия.

На деле сам Мельник отказывался даже пытаться поддерживать претензии на диктаторскую власть. В документах, которые имеют отношение прежде всего к нему и на содержание которых он, можно допустить, мог влиять, к нему обращаются чаще как к директору Провода, чем как к «вождю». Попытки сделать из Мельника некий мистический образец национальной воли присутствует в упоминании его как руководителя, в котором воплотился гений нации – как в Шевченко, Коновальце, а теперь и в Мельнике[65], – а также в словах о его «монолитном характере»[66]. В целом, однако, более отчетливо звучал мотив воинской субординации в отношениях с более высокой инстанцией, чем безудержное подчинение воле харизматического вождя. «Руководство (Провод) несет ответственность перед историей, перед будущими поколениями, перед нацией (включая тех, кто были, и тех, кто будет), перед Богом, но никогда перед своими подчиненными! Это вело бы к анархии, ведь такое положение поставит под вопрос порядок в любой армии».[67]

---

[62] Максим Орлик в «Наступе», 17 августа 1940 г., с. 2. Главным образом я полагался на периодические издания довольно большого тиража (приблизительно в 6000 в случае с «Наступом») как основные источники по идеологии ОУН этого периода. Более философские трактаты Донцова и особенно Сциборского «Национократия» представляют куда больший интерес для изучающего политическую теорию. Из-за целей этой работы, однако, кажется предпочтительным использовать хоть и менее глубокие источники, но такие, что производят большее воздействие на рядовых членов и придерживаются новых течений в идеологии и ее изменении.

[63] Сигма в передовой статье в «Наступе». 1940. 23 марта. С. 1.

[64] Интервью для «Наступа». 1940. 21 декабря. С. 3.

[65] Українській вісник. 1941. 1 февраля. С. 2.

[66] Наступ. 1940. 14 декабря. С. 1.

[67] Наступ. Передовая. 1941. 1 февраля. С. 1.

Но по мере того как потребность в подавлении фракционерства становилась все более насущной, от этой умеренной позиции все больше отходили в пользу прямой приверженности принципу вождизма – *Ftihrerprinzip.*

Из вышеприведенной дискуссии видно, что присутствовал острый конфликт между «естественными» тенденциями в идеологии движения и характером личности и убеждениями его руководителя. Если бы вопрос ограничивался эмигрантской секцией ОУН, мог бы быть достигнут компромисс или Мельник мог бы даже выйти победителем. Надо заметить, что из девяти членов Провода (включая самого Мельника) все, кроме двоих, были армейскими офицерами. Кроме того, почти все они служили не только в нерегулярной в некотором роде украинской армии, а и в весьма дисциплинированном офицерском корпусе Российской или Австро-Венгерской империи. Стандарты военной дисциплины и чести не позволяли им полностью поддерживать принцип, что все средства являются законными, по крайней мере когда этот принцип должен был применяться во фракционной борьбе в пределах их собственной группы против их признанного руководства. Кроме того, всем, за исключением Барановского, было за сорок, и можно предполагать, что прожитые годы выработали у них иммунитет против импульсивных и насильственных акций.

Если бы, однако, ОУН была ограничена работой в эмиграции, то она вряд ли получила бы большее влияние, чем УНР или гетманцы. Фактически, в отличие от этих двух группировок, она была преимущественно западноукраинской по составу. Правда, из девяти членов Провода трое были восточноукраинскими эмигрантами. Из них, однако, двое имели очень ограниченное влияние, в то время как Сциборский был обязан своим высоким положением прежде всего своим теоретическим способностям. Кроме того, Провод не был точным отражением рядового состава организации. На первое место он ставил не представительство самых важных групп ОУН с Волыни, Закарпатской Украины и Буковины[68]. Более важную роль играла разница в возрасте; основной частью членов ОУН и ее наиболее активной составляющей была молодежь с юга Галиции. Как обсуждалось в предыдущей главе, это поколение, живя двойной жизнью, обучаясь в подпольном университете, находясь под постоянной угрозой ареста польскими властями, обращалось к актам насилия, и многие пострадали за свои дела. Считалось, что эмигрантские лидеры уклонялись от трудностей и опасностей борьбы или, по крайней мере, были не способны понять спрос на нее.

Эти настроения подчеркивались разницей в возрасте между руководством и основной массой членов организации из Галиции. Существовал разрыв приблизительно в десять лет между средним возрастом официального эмигрантского руководства и неофициального лидера на родине; рядовые члены в Галиции были еще моложе. Уже само по себе это различие было достаточно существенно; недостаток зрелости неизбежно ведет к экстремизму среди членов организации, подобной ОУН. Имелись, однако, дополнительные факторы большой важности. Более молодая группа испытывала недостаток опыта роста в стабильном довоенном обществе. Кроме того, старшее поколение имело возможность бороться за украинскую государственность открыто и в легальной форме. Создавая государство и армию, пусть и в течение лишь короткого времени, оно избежало разрушительного чувства собственной неполноценности, которое было результатом проживания в государстве, управляемом представителями другой национальности. У старшего поколения были свои мирные годы, за которыми последовала славная борьба, у более молодого поколения был только опыт горькой, неоднозначной борьбы против польских репрессий. Таким образом, это поколение

[68] Следует подчеркнуть, что было несколько других лидеров (старшего поколения), чье влияние превосходило влияние некоторых членов Провода. В этих неофициальных группах Закарпатская Украина (но не Волынь и не Буковина) были адекватно представлены. Восточные украинцы имели сверхпредставительство по сравнению с числом их рядовых членов.

затаило в себе чувство напряженности, своего рода комплекс неполноценности перед лицом официального руководства.

Нельзя сказать, что руководство было совершенно не виновато в этой ситуации. Большинство его галицких членов разделили трудности борьбы против Польши (трое из них прошли через тюрьмы), а жизнь в изгнании не намного предпочтительнее даже подпольного существования в родной стране. Поколение, к которому пришла зрелость в годы войны, однако, рассматривало себя как закрытое элитарное общество, членство в котором было невозможно для более молодых людей. Следующее выражение может объяснить закрытость элитарных рядов: «Я не против поиграть в политику, но я против того, чтобы играть в нее с моими детьми». И вовсю применялся прием, зливший других: постоянное использование военных званий, приобретенных в ходе войны и, следовательно, не достижимых для более молодых людей, чья военная служба (когда этого нельзя было избежать) ограничивалась срочной службой в польской армии.

Пока Коновалец был жив, его весомый авторитет и, как известно, умелое разрешение конфликта поколений не давали этой проблеме приобрести серьезный масштаб, хотя и возникали громкие протесты со стороны более молодой группы. Мельник встретился с гораздо более сложным комплексом проблем: он должен был попытаться объединить украинское население Галиции под крылом организации, но любая модификация идеологии или тактики была бы расценена более молодыми людьми как измена; он должен был попытаться выторговать интересы украинцев в переговорах с гораздо более сильными сторонами – процесс, в котором любая импульсивная акция могла стать фатальной. Вдобавок те самые факторы, которые побудили Мельника оказывать сдерживающее влияние в ОУН, сделали его неспособным держать в узде революционную молодежь. Его связь с церковью была вроде черного флага для их антиклерикализма. Его спокойствие и достоинство не производили особого впечатления на людей, чьим идеалом лидера был заговорщик с железной волей. Его отказ от возведения идеи нации в абсолют был воспринят как признак слабости, если вообще был понят. В стабильном обществе Мельник, несомненно, был бы в высшей степени полезным гражданином или даже успешным государственным мужем, но его характер мало подходил для лидера террористов-заговорщиков. Так была подготовлена катастрофа внутри самой мощной украинской националистической организации.

Но первой пришла великая катастрофа войны. Многие годы германская политика влияла на ОУН. Эта связь была подкреплена полуфашистской по природе идеологией ОУН, и, в свою очередь, зависимость от немцев вела к усилению фашистских тенденций в организации. Анализ соотношения сил привел ОУ Н к поиску германской помощи, поскольку Германия была единственной силой, имевшей волю или средства напасть на архиврагов ОУН – Польшу и Советский Союз. Большой проблемой, намек на которую содержался в предыдущем абзаце, было выстроить отношения с немцами таким образом, чтобы, сотрудничая, не превратиться в их марионеток, ибо неравенство сил между сторонами было, конечно, огромным.

До 1939 года украинские националистические лидеры были уверены, что Германия действительно заинтересована в обеспечении независимости Украины, и считали, что она будет честно вести себя с ними. Однако они были зависимы от Германии менее, чем можно было справедливо предполагать. В отличие от гетманской группировки, которая сконцентрировалась близ Берлина, ОУН была более равномерно распределена по большей части Центральной и Западной Европы. И Коновалец, и Мельник часто ездили по Европе, но избегали останавливаться на контролируемых Германией территориях. Однако в лице Ричарда Ярого они имели постоянный канал связи с той частью германского режима, которую представляли адмирал Канарис и абвер. Летом 1939 года полковник Сушко также тесно сотрудничал с немцами, готовя в Винер-Нойштадте, Австрия, группу в две сотни человек, которая должна

была действовать как вспомогательная при вермахте в готовящемся нападении на Польшу; эта вооруженная ячейка должна была поднять восстание, которое, как надеялась ОУН, приведет к независимости украинцев в этой стране[69]. Более того, де-факто зависимость ОУН от Германии сильно возросла в результате иммиграции ее членов на германскую территорию в 1939 году, особенно в протекторат «Богемия-Моравия», где вскоре образовался центр закарпатских украинцев, а вскоре был основан прооуновский печатный орган «Наступ».[70]

Несмотря на эти все более прочные путы зависимости, когда Провод решил провести II съезд организации в августе 1939 года, местом встречи был выбран Рим вместо какого-нибудь немецкого города. На съезде было решено, что штаб Мельника должен находиться в Швейцарии и что следует вести осмотрительную политику в отношении Германии[71]. Во время паузы в работе съезда пришло известие о пакте Молотова – Риббентропа со всеми его уступками Советскому Союзу. Соглашение было открыто осуждено официальным органом ОУН[72]. Война, однако, фактически начиналась в это самое время, и Провод никак не мог, даже если бы и хотел, отойти от договоренностей о военном сотрудничестве с немцами.

Канарис, после некоторых колебаний, явившихся следствием его неуверенности относительно советских намерений в Восточной Польше[73], позволил группе Сушко перебазироваться с территории Словакии на украинскую этнографическую территорию на реке Сан, но в этом месте группе пришлось повернуть обратно из-за продвижения советских войск[74]. В пределах собственно Галиции произошло по крайней мере одно маленькое восстание против польского режима, несомненно инспирированное националистами[75]. С точки зрения ОУН экспедиция Сушко принесла пользу хотя бы тем, что послужила вооруженным эскортом Ярославу Барановскому, который прибыл к местным группам как делегат Провода. Его миссия состояла в том, чтобы дать последнюю информацию относительно щекотливой ситуации, возникшей в результате советской оккупации, и предупредить их, чтобы они не раскрывали себя[76]. Это, несомненно, было необходимо, потому что, если бы вовсю развернулись восстания против и без того разваливающейся польской власти, они были бы бесполезны, но раскрыли бы подполье перед приближающимися советскими силами.

Следует упомянуть, что краткая польская кампания повлияла определенным образом на дальнейшее развитие ОУН. Поскольку немцы подходили к Варшаве, перед польскими властями встала проблема, что делать с политическими заключенными, особенно украинцами. После различных попыток эвакуировать их наиболее важным заключенным позволили либо по решению властей, либо по милости охраны выйти на свободу[77]. Таким образом

---

[69] *Любомир Ортинський.* Дружини українських націоналістів (ДУН) // Вісті братства кол. воякив 1. УД УНА (июнь – июль 1952 г.). С. 4; Abshagen, *Canaris.* P. 217.

[70] «Наступ» основал в Закарпатской Украине доктор Степан Росоха, но после разгона там украинского правительства Росоха переехал в Прагу, где сумел возобновить публикацию примерно в начале 1940 года. Хотя сам он не состоял в ОУН, он был горячим сторонником и почитателем Мельника, и страницы его издания всегда были к услугам ооновских авторов. В дополнение к этой газете, к которой до закрытия в 1943 году немецкая цензура относилась сравнительно мягко, в Берлине выходил без предварительной цензуры «Український вісник», так как номинально был не газетой, а бюллетенем для членов Украинского национального союза в Германии. Как и «Наступ», официально этот бюллетень не был ооновским, но тесно следовал ооновской линии и, по-видимому, был более влиятельным, чем официальные печатные органы ОУН; однако их выпуски военного времени теперь малодоступны.

[71] Вдобавок он сам был утвержден главой Провода. Интервью 61, 67.

[72] *ОУН* у війні, информационная секция ОУН (УНР), 1946. Апрель. С. 24—28, цитируется «Національна пресова служба» («пресс-релиз» ОУН, доступ к которому мне не удалось получить) за 1 сентября 1939 г.

[73] *Abshagen.* Canaris. P. 208—209.

[74] Интервью 8, 14, 67; *Никон Наливайко.* Легіоні в національних війнах // Народна воля. 1949. 27 октября. С. 2.

[75] «Наступ», 16 марта 1940 г., с. 3, описывает формирование группы из трех сотен партизан под Львовом с 11 по 17 сентября для борьбы с польской полицией, которая совершала злодеяния, и с целью отбросить польских партизан и войска.

[76] Интервью 67.

[77] Интересное описание того, как некоторые из этих украинцев вышли на свободу, см.: *Микола Климішин.* Смертний

лидерам галицкой группы, озлобленным годами заключения, дали снова развернуть свою деятельность.

Краткая польская война, которая явилась начальной главой в разворачивающейся всемирной борьбе за перекройку мира, имела важное значение для украинской национальной жизни. Впервые в современной истории галицкое население было действительно объединено с восточными украинцами в едином государстве. Однако это государство было самым страшным врагом украинских националистических движений. Эти обстоятельства не могли не оказать значительного воздействия на развитие националистических движений, и фактически радикальный процесс перестройки украинских сил был уже на марше; в течение этих двадцати месяцев после польского коллапса этот внутренний конфликт привлечет к себе почти столько же внимания со стороны украинского эмигрантского сообщества, как и более крупные события мировой политики.

похід // Наступ. 1940. 24 февраля. С. 3; это описание подтверждается в интервью 76.

Глава 3
Раскол

К концу сентября 1939 года казалось, что Германия определенно перестала обращать внимание на украинских националистов. Соглашение, которое позволило Советскому Союзу занять территорию Польши до линии Буга и Сана, означало на деле, что компактная украинская область в Галиции, украинская земля, с которой были связаны сильнейшие националистические чувства, переходила под власть советского режима. В некоторых нацистских кругах утверждали, что ячейки ОУН на занятых Советским Союзом областях будут распущены[78]. Несколько маленьких районов с украинскими поселениями оставались, однако, под германским контролем в составе того, что теперь называлось генерал-губернаторство Польша. Кроме мелких приграничных районов, это были район города Хелм (Холм) и область, заселенная лемками[79], – пересеченная местность, отрог северного склона Карпат от Пшемысля (Перемышля) почти до Кракова. Большинство лемков были выносливыми, но обедневшими горцами, говорившими на украинском диалекте. При польском режиме они подвергались таким же репрессиям, как и украинцы Восточной Галиции, но низкий экономический потенциал этого региона препятствовал существенному расселению в этих местах польского населения.

В хелмском районе проводилась политика насильственной денационализации. Его смешанный этнографический состав был усложнен изменениями в религозной политике. Первоначально многие из жителей этой местности, включая огромное большинство украинцев, были грекокатоликами, подобно галицким украинцам. При Александре II проводилась жесткая репрессивная политика, направленная наусиление православной церкви и подавление греко-католической церкви. Многие районы, где преобладал грекокатолический обряд, были насильственно переданы православной церкви, а множество храмов католического обряда, которые были обвинены в проведении служб для грекокатоликов и которые сопротивлялись их передаче православной церкви, были захвачены. Или потому, что они когда-то тяготели к православию, или потому, что они приучились к нему более чем за десятки лет, многие из «конвертированных»[80] конгрегаций сохранили некоторые связи с ними после того, как область стала частью Польши. Подталкиваемое частью католических священнослужителей (грекокатолическая иерархия противилась этому), польское правительство захватывало многие храмы, а в некоторых случаях сжигало их дотла. Православные священники изгоня-

---

[78] Письмо из внешнеполитического отдела НСДАП (Aussenpolitisches Amt der NSDAP) в адрес заместителя главы СС Гейдриха от 18 сентября 1940 года, где об ОУН говорится как «не больше чем» о «национальном галицком отростке поваленного дерева великоросского социал-революционного движения».

[79] В XIV веке Даниил Галицкий основал город Холм. Потом он оказался на территории Польши под названием Хелм. Лемки – этнографическая группа на западе Украины.

[80] Снова приходится заметить, что если бы автор заглянул поглубже в историю, то обнаружил бы, что была такая Брестская уния 1596 года, когда православная церковь на западе Украины (и Белоруссии) была загнана под начало Рима, но с сохранением прежних обрядов (зная это, автор вряд ли стал бы утверждать, что «первоначально многие из жителей этой местности, включая огромное большинство украинцев, были грекокатоликами, подобно галицким украинцам»). Этот акт насильственного прозелитизма положил начало насаждению на западноукраинских землях так называемой грекокатолической, или униатской, церкви. Процесс сопровождался сопротивлением православных верующих, захватами православных храмов, преследованием православных служителей и верующих, причем эти кампании неоднократно возобновлялись и с помощью польских властей. Известно, что освободительные движения в Польше начинались с вешания православных священников. Хотя в самой Польше к униатству относились как к религии второго сорта, или «крестьянской», – см., например, статью об униатстве в Encyclopaedia Britannica. В последнее время – при непротивлении украинских властей, и оранжевых, и дооранжевых – такая практика конфессионального передела вовсю производится при участии наследников ОУН, которые стали образцовыми грекокатоликами, хотя идеология самой ОУН была достаточно антиклерикальной – как и положено у уважающих себя фашистов.

лись, а их место занимали католические пасторы, латинского, а не греческого обряда. При ограниченном круге интеллектуалов другие украинские общины мало чем могли помочь украинцам Хелма, и в результате политика денационализации принесла полякам значительный успех.[81]

Более двадцати месяцев этим маленьким и обиженным судьбой территориям выпало служить главной базой для осуществления украинских националистических усилий. Причиной того, что они могли выполнять эту функцию, явилась преднамеренно двусмысленная германская политика в отношении украинских движений в течение этого периода. Пакт Молотова – Риббентропа, который послужил формальным препятствием для использования украинских националистических настроений, направленных на разрушение Советского Союза, расценивался нацистскими лидерами в действительности просто как перемирие, рассчитанное, однако, на неопределенный срок. Любая открытая поддержка украинских националистов рассматривалась бы Советским Союзом как недружественный жест, если не подготовка к нападению; исходя из этого, Гитлер решил вести дела с украинцами с большой осторожностью, поскольку дружественные отношения с Советским Союзом были в его интересах[82]. В то же время макиавеллизм образа мышления нацистских правителей подводил их к тому, чтобы использовать украинский национализм как козырную карту в будущих непредвиденных обстоятельствах. Чтобы энергия украинского национализма не ослабевала, было необходимо дать ему какой-то минимум поддержки, но непрямой и скрытой.

Кроме того, присутствие нескольких сотен тысяч украинцев в генерал-губернаторстве давало возможность претворить в жизнь любимый принцип флорентийского теоретика – разделяй и властвуй[83]. Целью реализации этого принципа применительно к нацистской политике было уничтожение национального сознания народов генерал-губернаторства, чтобы их либо поглотила бы «более высокая» немецкая нация, если они «расово приемлемые», либо их можно было бы держать за послушных илотов, если они «биологически неполноценные». Первым шагом в этой политике должен был быть раскол между национальностями путем внедрения чувства этнической обособленности в каждую национальную подгруппу и продвижения на местные гражданские и полицейские должности представителей меньших национальных групп[84]. В соответствии с этой политикой, маленькая украинская группа в генерал-губернаторстве должна была поддерживаться в ущерб полякам, которые рассматривались как наиболее опасные противники германских интересов в этом регионе. В марте 1940 года Гитлер выразил личное горячее желание использовать антипольские настроения украинцев. Чтобы избежать проблем в отношениях с Советским Союзом, он, однако, дал указание обойтись без какой-либо «украинской национальной партии» или

---

[81] *Adrien Boudou.* Le Saint-Siege et la Russie: Leurs Relations Diplomatiques аи XIXe Siecle, Vol. II (Paris: Editions Spes, 1925). P. 440. См. также: *Hugh Seton-Watson.* Eastern Europe between the Wars, 1918—1941 (Cambridge: Cambridge University Press, 1940). P. 335; *Raymond L. Buell.* Poland: A Key to Europe (3rd ed.; New York: Alfred A. Knopf, 1939). P. 279n; *Volodymyr Kubiiovych.* Die ukrainische Volksgruppe, Das Generalgouvernement, I (December, 1940). P. 14—19.

[82] На это указывает не только приказ Гитлера вести осторожно дела с украинцами в генерал-губернаторстве, чтобы избежать трудностей в отношениях с Россией (Memorandum for the files concerning the session of the RVA (Reichsverteidingungsausschuss), Warsaw, March 2, 1940, EC 300; далее EC 300), но также и тот факт, что даже намного позже он просил Бормана проследить, чтобы работа Лайббрандта «СССР» (которая была явно проукраинской) не ходила даже среди членов нацистской партии, так как могла бы попасть в плохие руки с неприятными последствиями для германо-русских отношений (Борман Розенбергу, 25 ноября 1940 г., CXLIII 258, Centre de Documentation Juive Contemporaine (далее CXLIII 258).

[83] Точная фраза, использованная гаулейтером Франком, выражающая его политику в отношении разных национальностей в генерал-губернаторстве (из дневника Франка, Abteilungsleitersitzung, Краков, 12 апреля 1940 г., с. 6, USSR Exhibit / документы, представленные на Нюрнбегском процессе советским обвинением. – *Примеч. пер.*/ 223; далее USSR Exhibit 223).

[84] См. меморандум, содержащий общую политику, намеченную Гиммлером и одобренную Гитлером, относительго народов на Востоке (май 1940 года, NO 1880). Фактически Гиммлер хотел отколоть лемков от основной массы украинцев; однако нет никаких свидетельств, что в этом направлении были предприняты какие-либо существенные усилия.

подобного широкого формирования, а ограничиться органом с консультативными функциями в пределах генерал-губернаторства[85]. В соответствии с этим указанием, глава администрации генерал-губернаторства Франк сказал своим подчиненным через месяц, что можно позволить создание украинских организаций социальной взаимопомощи, но ни в коем случае не более солидные.[86]

Нацистская тактика предусматривала использование украинского национального чувства в качестве противовеса польскому, чтобы поддержать немецкое правление в генерал-губернаторстве. После того как поляки были бы уничтожены как национальная субстанция, настал бы черед и украинцев быть либо абсорбированными немцами, либо сведенными к положению илотов. Поскольку первый этап процесса требовал снисходительного отношения к украинцам, то националистическим группам в генерал-губернаторстве дозволялось вести ограниченную, но заметную деятельность. За несколько месяцев до того, как Гитлер принял решение относительно создания украинской социальной организации, украинцы генерал-губернаторства приступили сами к созданию рудиментарной национальной организации. Этому шагу не препятствовали, потому что многие должностные лица второго плана, особенно доктор Фриц Арльт, руководитель ведомства по делам национальностей в администрации генерал-губернаторства, осознали необходимость вызвать у украинцев дружеские чувства и пытались использовать чисто тактическую терпимость вышестоящих к этой национальной группе, чтобы предоставить украинцам способ национального самовыражения.[87]

Организационная работа началась с создания широкого круга организаций в районах, где было значительное число украинцев. Например, Украинский национальный совет был сформирован в районе реки Сан, Украинский национальный комитет – в Ярославе и Украинский центральный комитет – в Хелме[88]. Поначалу, похоже, существовало некоторое соперничество между этими центрами, которое явно было спровоцировано местными группами, которые не принимали в соображение более широкие политические интересы[89]. Более дальновидные элементы из числа украинцев генерал-губернаторства считали, однако, что необходимо укреплять позиции, насколько возможно, и понимали необходимость единства. Различные элементы сотрудничали в работе по созданию этого единства, включая членов таких организаций, как Украинский национально-демократический союз, который выделялся среди легальных украинских организаций при поляках, и людей, которые до этого не играли никакой активной роли в политике. Среди последних был доктор Владимир Кубийович, считавшийся видным географом и горячим, но далеким от политики патриотом. В дополнение к этим элементам видную роль играла и ОУН. Ее главным представителем был полковник Сушко, который после вынужденного бегства из района Сана остался на оккупированной немцами части Польши, где он продолжал сотрудничество с вермахтом, особенно в формировании полиции. Стараниями этих групп в середине ноября 1939 года в Кракове было организовано совещание украинской общины. Совещание направило депутацию к гаулейтеру Франку.[90]

Кубийович был естественным лидером на этом этапе. При всей его политической неопытности он до войны имел превосходные связи в немецком ученом мире и бегло говорил по-немецки. В отличие от многих других лидеров он не был беженцем с советских

---

[85] EC 300.

[86] USSR Exhibit 223.

[87] Это утверждение основано на интервью с указанными немецкими официальными лицами и с украинцами, которые были бенефициарами умеренной политики немцев по отношению к украинской общине. Интервью 8, 11, 36, 46.

[88] Краківські вісті. 1942. 29 марта. С. 3.

[89] Я не могу представить доказательства, что конфликт в ОУН обусловил какие-либо трудности при создании организаций в районах.

[90] Краківські вісті. 1942. 29 марта. С. 3.

территорий, а уроженцем мест, где жили лемки, то есть относился к числу тех немногих украинцев, против кандидатуры которых советская сторона не имела бы оснований для протеста. И самое главное, он был способен поддерживать свой прежний престиж патриота, не примыкая ни к одной из сторон в силу своего такта, умеренности и благоразумия. Он был также способен выполнить трудную задачу ведения переговоров с немцами, не унижая при этом собственного достоинства и достоинства своих братьев украинцев. На этой стадии, однако, сомнительно, чтобы смог пройти в жизнь проект формирования единой организации, несмотря на способности Кубийовича, если бы не поддержка со стороны полковника Сушко с его националистической организацией и его близкими отношениями с германскими властями.

Во всяком случае, именно Кубийович и Сушко выбили разрешение на учреждение ассоциации во главе с центральным комитетом[91]. Процесс объединения украинских групп в одну ассоциацию продолжался значительное время. Вероятно, это было вызвано естественными трудностями, с которыми столкнулись украинские лидеры в разработке сложной организации после двадцати лет почти полного отстранения украинцев от участия во всякого рода администрациях, также задержкой в получении Франком одобрения со стороны Гитлера. 13—15 апреля 1940 года, однако, представители украинских групп открыто встретились в Кракове в качестве правящего комитета, а в начале июня этот орган был официально признан Франком как Украинский центральный комитет.[92]

Это было значительным достижением, хотя на бумаге новый орган был чрезвычайно ограничен в своих функциях, которые, в соответствии с указаниями Гитлера, были определены как забота о благосостоянии украинского населения генерал-губернаторства. Для этой цели комитету предоставили право готовить бюджет, покрываемый частично ассигнованиями из казначейства генерал-губернаторства. Ему было разрешено развернуть сеть комитетов помощи в украинской этнографической зоне. Среди наиболее важных формальных функций организации было распределение помощи, полученной от филантропических агентств в Соединенных Штатах и от Международного Красного Креста[93]. Однако, как это обычно бывает с украинскими организациями, работающими под властью деспотических иностранных режимов, формальный аспект деятельности организации был не самым главным. Формально комитет не имел никакого контроля над образованием, но через германские власти был способен оказывать большое влияние на выбор учителей и учебных пособий. Через контроль над социальными фондами он имел возможность сделать более доступным для многих детей посещение украинских школ[94]. Исходя из вышесказанного, он вносил важный вклад в оживление украинской культурной жизни в области.

Эта образовательная деятельность осуществлялась параллельно с развитием и украинской прессы. Ноябрьское совещание, помимо предварительной работы по созданию центрального представительного органа, основало (также под руководством доктора Кубийовича) крупномасштабное агентство печати, которое выпустило ряд новых школьных текстов на украинском языке и популярных украинских произведений[95]. Еще более важно, что оно стало издавать газету, которая стояла на две головы выше любой другой украинской, на занятых немцами территориях. «Кракивськи вести» (немцы запретили использование слова «украинские» в названии) была одной из немногих газет, которые не стали партийным орга-

---

[91] Ibid.; Interview 9.

[92] Енціклопедія українознавства, изд. Володымыр Кубийовыч и Зенон Кузеля (Мюнхен: Наукове товарыство им. Шевченка, 1949). С. 580—582.

[93] Ibid.

[94] Interview 9.

[95] Краківські вісті. 1942. 2 января. С. 3.

ном; она все время служила форумом, на котором были широко представлены разнообразные точки зрения. Кроме того, это была единственная газета такого рода, которая располагала существенными материальными ресурсами и привлекала к себе многих по-настоящему талантливых авторов. Она подвергалась более строгой цензуре, чем украинские газеты в Большой Германии (хотя намного менее строгой, чем была установлена для газет, издававшихся на оккупированных позже территориях далее на восток); тем не менее она оказалась способной отразить значительный диапазон украинской жизни и мысли и стала неоценимым свидетелем событий военных лет.

С точки зрения украинских национальных интересов благоприятная политика немцев в отношении культурной деятельности группы была особенно ценна тем, что позволила восстановить некоторые основы, утраченные при польских репрессиях. Подробное изложение методов, какими украинцы сумели улучшить ситуацию в этой области в течение первых военных лет, заняло бы много места. Достаточно одной статистической выкладки, чтобы показать общий характер достигнутого за эти годы. В 1942/43 учебном году в генерал-губернаторстве было 4173 школы, где преподавали на украинском языке[96], хотя на той же территории до 1939 года их было только 2510 – из которых только 457 были чисто украинскими[97]. Наиболее значительный прогресс имел место в Хелмской области, где осенью 1939 года был отмечен большой приток интеллектуалов, сбежавших от советской власти в Восточной Галиции, которые привнесли новую энергию в культурную жизнь украинского сообщества.[98]

Чтобы завершить картину, нужно, однако, добавить, что методы, использовавшиеся украинцами, чтобы отвоевать у поляков утерянные позиции, не ограничивались культурными процессами. В соответствии с политикой, описанной выше, немцы часто назначали мэрами этнографически смешанных городков лиц из числа украинских элементов, таким образом давая последним решительное преимущество в гражданской администрации. Отдельная полицейская система была также укомплектована благоприятным для украинцев образом, хотя немцы осуществляли плотный контроль за этими формированиями. Тем не менее в многочисленных случаях позиции украинцев в полицейских подразделениях позволяли им притеснять поляков и даже нападать на них.[99]

В то время как украинские националистические силы укреплялись через создание новой базы в генерал-губернаторстве, ОУН серьезно ослаблялась лютым внутренним конфликтом. Фундаментальные причины этого конфликта были исследованы в предшествующих главах. Его каталитическим элементом стало освобождение из польских тюрем наиболее активных лидеров более молодого поколения.

В Кракове, где оказалось большинство таких людей, они вошли в контакт с теми своими товарищами, с которыми вместе боролись и страдали до тюрьмы, и таким образом

---

[96] Это относится, конечно, к расширенному генерал-губернаторству, включающему Восточную Галицию. Однако это показательно для расширения масштабов украинской образовательной системы, которая во всех отношениях была более выразительной, чем в областях к западу от Сана и Буга. Более детально о культурных и организационных процессах см.: *Roman Il'nyts'kyi.* Deutschland und die Ukraine, 1934—1945: Tatsachen europ ischer Ostpolitik, ein Vorbericht, Vol. I (Munich: Osteuropa Institut, 1955). S. 253—258.

[97] *П. Ісаів,* статья об украинских школах в генерал-губернаторстве во время Второй мировой войны, Енціклопедія украинознавства. С. 952; *Buell.* Poland. P. 279. Остальные школы были «смешанными», отданными, по словам Бьюэлла, польским учителям.

[98] *Юрій Таркович.* Забути землі // Краківські вісті. 1942. 10 мая. С.І.

[99] Отчет о работе начальника Ordnungspolizei, 11 ноября 1940 г., Occ E-2(11), в Yiddish Scientific Institute (далее Occ E-2 (11)). Это германское официальное лицо докладывало, что вследствие «отсутствия должной подготовки» украинская вспомогательная полиция проявляла предвзятое и даже враждебное отношение к полякам; он привел пример, когда пришлось арестовать двух украинских офицеров за то, что они не стали препятствовать нападению вооруженных украинцев на поляков. Эти его замечания относятся к районам со смешанным населением (особенно к Хелму и области) до того, как возникли широкомасштабные акции насилия, как это описывается в главе 6.

сложилась новая группировка. Номинальным лидером был Владимир Лопатинский, который был официальным лидером «края» ОУН – то есть организации на украинской этнографической территории в Польше[100]. Вместе с ним прибыли туда и другие молодые люди, которые давно и активно боролись против польских властей, – Иван Гаврусевич, Ярослав Гербовый, Лев Ребет и многие другие. По большей части эти энергичные люди в силу характера своей подпольной работы были ограничены территорией Польши и, следовательно, не были хорошо знакомы с более широкими аспектами деятельности ОУН. Это была крепкая группа мятежников, весьма храбрых и привыкших к полной опасностей жизни, но не имевших навыка в решении теоретических и сложных практических вопросов. Были среди них, однако, два молодых человека, которые незадолго до этого имели возможность понаблюдать вблизи за работой организационного штаба своими глазами. Одним был Дмытро Мырон, которому позже выпадет случай доказать свой талант организатора подполья в Восточной Украине, а вторым – Ярослав Стецко.

Стецко (сын священника) выделялся в группе быстрым умом и способностью обобщать свой опыт в форме политических предписаний. Подобно большинству других, он был приговорен к тюремному заключению во время массовых судов над членами ОУН в 1936 году. Однако его вину не могли доказать в той мере, как вину многих других, и поэтому он был освобожден с началом войны. Принимая активное участие в организационной работе ОУН, он вызывался Мельником в Рим летом 1939 года, чтобы помочь в подготовке II съезда. Роль Стецко в Риме не совсем ясна. Согласно одной версии, он был освобожден от обязанностей по подготовке съезда Сциборским, когда показал свою неспособность удовлетворительно выполнить их[101]; если это правда, то такой щелчок по носу вряд ли, вероятно, увеличил его любовь к своему шефу и мог действительно посеять в нем семя недовольства всем руководством ОУН. Во всяком случае, совершенно ясно, что Проводу не хватило чутья, чтобы обеспечить себе длительную лояльность этого блестящего молодого члена ОУН.

В ретроспективе, по крайней мере, Стецко усомнился в мудрости политики, проводимой старшими. Это была осторожная политика, и особенно неприятным аспектом этой осторожности, по мнению Стецко, была забота о поддержании добрых отношений с Германией, несмотря на неоднократные разочарования, которые эта держава доставляла украинцам. Перед завершением римской встречи Стецко, однако, имел обнадеживающую беседу с Мельником; после чего он временно стал его поддерживать. У Мельника, возможно, были некоторые сомнения, касающиеся правильности позиции возвеличивать себя до руководителя Провода. В приливе молодого энтузиазма Стецко желал – по крайней мере в теории – придания авторитаристской окраски идеологии ОУН. В одной из своих восторженных речей он восхвалял Мельника как великого вождя и героического борца и призвал к непоколебимой верности ему – такой же, какой был удостоен Коновалец, – «вождь умер, да здравствует вождь!».[102]

К началу 1940 года Стецко под воздействием очередного промаха ouновской политики, ориентированной на одобрение немцев, и ощущая нетерпение самых молодых членов своей группы начал выражать недовольство официальными лидерами партии. Его способности сделали его видным членом нарождающейся фракции, но это было объединение не того рода, чтобы искать лидера среди интеллектуалов. Основное, в чем обвиняли эти люди старшее поколение, была робость, недостаток решимости; посему эта мятежная группировка выбрала лидера, который в необычной степени обладал несгибаемой волей и готовностью

[100] Интервью 24, 75.

[101] Интервью 67.

[102] Текст в «Наступе», 13 декабря 1941 г. Эта статья была, конечно, опубликована спустя долгое время после раскола, чтобы дискредитировать сторонников Бандеры. Обсуждение начальной фазы раскола основано прежде всего на интервью (24 и 67) с украинскими лидерами, хорошо знакомыми с представителями обеих сторон противостояния на этой стадии.

к отчаянным действиям. Им оказался глава террористической группировки, занимавшейся нападением на польских официальных лиц, Степан Бандера.

К январю 1940 года новая группировка достаточно окрепла, чтобы Бандера и Лопатинский смогли поехать к Мельнику в Рим с рядом требований[103]. Точно не ясно, каковы были эти требования, ибо участники конфликта предлагали разные версии. По словам сторонников Бандеры, ядром их декларации было требование изменить ориентацию политики ОУН так, чтобы она меньше зависела от немцев. В частности, они говорят, что их лидеры требовали, чтобы Мельник перенес штаб организации в нейтральное государство и с новых позиций наладил сотрудничество с западными странами в целях формирования легиона из украинцев, находящихся во Франции, для помощи Финляндии в отражении советского нападения[104]. Хотя в этих утверждениях есть что-то правдоподобное, принимая во внимание прошлое и будущее сотрудничество окружения Мельника с немцами, сторонники официального лидера указывают, что и сам Бандера сотрудничал с немцами, когда это было выгодно, и что сторонники Мельника во Франции с рвением работали над созданием упомянутого легиона, хотя сторонники Бандеры утверждают, будто именно они предложили эту идею.[105]

Несмотря на то что формулировки многих требований, представленных Бандерой и Лопатинским, оспариваются, в целом выражается согласие, что самая четкая из них касалась изменений в составе Провода. Лидеры «края» требовали смещения Барановского[106], Сеныка и Сциборского. Из-за влияния двух последних лидеров согласие с этим требованием означало бы настоящую революцию в руководстве ОУН, тем более что Бандера и его товарищ требовали, чтобы те были заменены представителями более молодой группировки. Данный пункт спора очень важен, но причины, представленные двумя эмиссарами, показательны для психологии молодых мятежников.

Обвинение против Сеныка возвращает нас к самым ранним стадиям разногласий между двумя поколениями в националистической организации. Когда Бандера, Стецко и другие галицкие террористы были арестованы за нападения правительственных чиновников польской национальности, была представлена масса письменных свидетельств, подтверждающих их участие в заговорщической деятельности, которые сделали их защиту безнадежной в условиях Польши. Эти материалы были получены поляками от чешских властей, которые, в свою очередь, получили их неизвестно откуда. Точно, однако, то, что Сеник, как административный помощник Коновальца, был тем, кто первоначально готовил документы. В группировке «края» это событие вызвало возмущение, там приписывали происшествие небрежности Сеныка в работе с важными документами и неумении хранить их должным образом. Были ли они правы в своих суждениях, трудно определить, но легко можно представить себе, как такое чувство могло перейти в ненависть за время тяжелых лет пребывания в тюрьме. Обвинение, однако, более существенно указывает на трудное положение тех, кто пытается из-за рубежа направлять фанатическое подпольное движение в стране, где оно должно существовать и нести жертвы. Это также резко подчеркивает основу напряженных отношений между человеком действия, революционного порыва, и администратором, на которого никогда не смотрят как на человека, несущего свою долю груза.

Обвинение против Сциборского еще более обличительно. За несколько лет до этого, когда тот был редактором органа ОУН в Париже «Українське слово», в редакцию газеты пришел коммунистический агент, который пытался убедить его предать национальное дело.

---

[103] *Степан Бандера.* В десяту ріхницю створення Революціонного Проводу ОУН. Сурма (февраль – март 1950). С. 6.

[104] В отличие от проекта легиона по версии УНР, о чем говорилось в предыдущей главе, план ОУН предлагал создание вооруженного формирования, полностью независимого от польских вооруженных формирований в эмиграции.

[105] Интервью 52.

[106] Об обвинениях в адрес Барановского см. *ОУН у війні.* Информационный отдел ОУН(УНР). 1946. Апрель. С. 37; интервью 75.

Вместо того чтобы выкинуть этого человека вон, Сциборский, как рассказывают, завел с ним идеологическую дискуссию. Группировка Бандеры теперь утверждала, что Сциборский не сумел быстро среагировать, потому что он всерьез рассматривал предложение коммуниста, и подкрепила обвинение заявлением, что нахождение сестры Сциборского в Киеве позволяет советской сети держать его на поводке. Если учесть энергию Сциборского в борьбе с коммунизмом и до и после инцидента, это обвинение кажется безосновательным. Акцент на его виновности в том, что он вступил в дискуссию с коммунистом, с другой стороны, весьма показателен. Уже говорилось, Сциборский был прирожденным теоретиком, человеком, который поставил словесный дар на службу движению. Как ни парадоксально, его собственная теория делала основной акцент на воле, необходимости действия и примате народного духа (Volkgeist). Тот факт, что его наиболее экстремистски настроенные ученики, воспитанные в духе неприятия рационализма, вначале бросали тень на его репутацию, а затем стали ему смертельными врагами, можно назвать поэтическим воздаянием.[107]

Независимо от того, имело ли место обсуждение каких-либо еще предложений «края», не подлежит сомнению, что Мельник твердо отверг требование о смещении своих коллег. Его недоброжелатели утверждают, что такие действия свидетельствуют об отсутствии гибкости или даже о надменном отношения к более молодым членам организации. Его поклонники придерживаются той точки зрения, что это – убедительное доказательство его верности принципам, верности своим преданным товарищам. Какое бы из этих суждений ни было правильным, отсутствие согласия скоро привело к открытому конфликту. Бандера и Лопатинский вернулись домой, и 10 февраля на тайной сходке молодых галицких лидеров в Кракове Бандера был назначен главой нового, «революционного», Провода.[108]

Большая часть времени оставшегося 1940 года была отдана острой борьбе противостоящих фракций, направленной на укрепление позиций и перетягивание на свою сторону неопределившихся элементов. Вначале борьба велась довольно сдержанно с обеих сторон. Еще оставалась возможность уладить разногласия[109]. Антагонизм между конкурирующими фракциями усилился тем не менее из-за попыток группы «край» перетянуть на свою сторону некоторых из старших членов организации. Последние (за редкими исключениями) понимали, что пытаться сформировать свой контрдиректорат было верхом самонадеянности со стороны этих молодых людей. Более того, они утверждали, что стремление бандеровцев заручиться их поддержкой доходит до подталкивания к прямому предательству товарищей, и расценивали подобные предложения как бесчестные и наглые[110]. Со своей стороны представители молодого поколения считали, что пытаются свергнуть негибкое и своевольное руководство, чтобы реализовать впоследствии истинные задачи организации. Поэтому их расстраивало, что старшие презрительно отклоняют все предложения.

---

[107] Предыдущая дискуссия о причинах раскола строилась прежде всего на интервью (особенно 24, 52, 67, 75-м) с некоторыми из главных действующих лиц и их главными приверженцами. Опубликованные источники, содержащие противоречивые сведения, включают в себя статьи Бандеры в «Сурме» и «ОУН у вийни». С. 34—35; в них представлены противоположные точки зрения. Несколько более беспристрастен (хотя склоняется ближе к позиции Мельника) Васыль Рудко (Р. Лисовий). Розлам в ОУН//Украинськи висти. 1949. 23 мая. С. 3; и 1949. 27 октября. С. 3. Рудко не придает слишком большого значения внешним причинам раскола и справедливо подчеркивает, что главным источником конфликта являлась разница в темпераментах и опыте прошлого между представителями двух поколений. Ильницкий настаивает, что истинной причиной раскола было желание более молодой группы перестать равняться на Германию и искать поддержки западных союзников (с. 266). Ильницкий публикует заявление под названием «Требования Степана Бандеры к Андрею Мельнику, 1940 год» (с. 363—367) с последующем «отчетом» Бандеры об ответе Мельника. Ввиду отсутствия точной даты я подозреваю, что все это основано скорее на субъективных воспоминаниях Бандеры, чем на документах того времени. Ильницкий признает (с. 271), что не существует современных опубликованных материалов в поддержку его позиции, и это представляется мне (как и многое в позиции Ильницкого) в высшей степени предвзятым.

[108] Бандера в «Сурме». С. 4.

[109] Український вісник. 1941. 19 октября. С. 2; *Богдан Михайлюк.* Бунт Бандери, 1950. С. 52 и следующие.

[110] ОУН у війні. С. 37.

Обострение достигло предела после серии переворотов и контрпереворотов в разгар лета. Молодые сторонники Бандеры заняли штаб украинского Центрального комитета в Кракове. Административные должностные лица, большинство из которых не были связаны с ОУН, расценили эти действия скорее с раздражением, чем с прямой враждебностью, но когда возвратился полковник Сушко, он быстро изгнал захватчиков[111]. Затем, в августе, он повел маленькую группу своих сторонников, набранных, вероятно, во вспомогательных полицейских формированиях, с которыми он активно сотрудничал, в набег на бандеровский штаб в Кракове, который закончился уничтожением их тайного печатного органа и захватом множества документов[112]. К тому времени все переговоры о воссоединении были прерваны, и к ноябрю конфликт перешел в открытую бойню на улицах Кракова. Как отмечалось выше, нацистские круги вообще презирали ОУН и особенно не доверяли Сушко. Офицеры военной разведки (абвера), с другой стороны, убеждали фракцию Банд еры урегулировать свой конфликт с фракцией Мельника, поскольку они хотели избежать дальнейшего раскола в среде украинских политических группировок.[113]

В самой Большой Германии всех украинцев, за исключением сторонников прогетманской «Громады» (главным образом восточные украинцы), предполагалось объединить в составе УНО (Українське національне об'єднання), полуофициально признанного германскими властями. Внепартийная организация, УНО, однако, расценивала национализм как ведущую идеологию и действовала как социальный придаток ОУН[114]. Глава, полковник Тымош Омельченко, был твердым сторонником «законного» Провода ОУН Мельника. После того как более молодое поколение подалось к Бандере, Омельченко и его помощники приказали, чтобы все члены УНО докладывали о попытках «раскольнической деятельности» и в конечном счете очистили организацию от активных сторонников Бандеры[115]. В июне 1941 года Омельченко присоединился к Кубийовичу в попытке убедить германские власти поддержать идею независимой Украины – в рамках расширенных географических границ и под руководством Мельника, «который теперь, несомненно, пользуется наибольшим авторитетом среди украинцев… как единственный человек, которому можно доверить управление украинской нацией».[116]

Позиция лидеров УНО была важна, поскольку эта организация становилась сильнее из-за серьезного притока украинцев из областей, оккупированных Венгрией и СССР. Если в 1937 году УНО состояла из нескольких десятков человек, то в 1938-м в нее влилось почти четыре сотни, в 1939-м – приблизительно 2000 и почти 11 000 – в 1940 году[117]. Поскольку украинские иммигранты состояли в значительной степени из фабричных и сельскохозяйственных рабочих, отделения были сформированы в многочисленных городах собственно Германии, на территории протектората и районов, недавно аннексированных у Польши[118]. Но поскольку руководство было не способно управлять УНО, сторонники Бандеры быстро насадили в этих местах свои собственные ячейки. Таким образом, в 1941 году существовали параллельные и противоборствующие центры украинской жизни во многих городах и индустриальных центрах Большой Германии.[119]

---

[111] Интервью 9.

[112] ОУН у війні. С. 33; *Зиновій Матла.* Південна похідна група Munich: Tsitsero, 1952. С. 52.

[113] Наступ. 1940. 16 ноября; Українська дійсність. 1940. 1 декабря. С. 1.

[114] Український вісник. 1941. 10 сентября. С. 2; и 1943. 10 января. С. 3.

[115] См. OCCE-4(5).

[116] *Memorandum* from Omel'chenko and Kubiiovych, Aussenpolitisches Amt der NSDAP, Reichsleitung, Iune 10, 1941.

[117] Український вісник. 1943. 10 января. С. 8.

[118] То есть в Позене (Познани) и Западной Пруссии; в генерал-губернаторстве УНО не существовало.

[119] Это проявилось несколько позже, когда сторонники Бандеры смогли организовать многочисленные петиции от украинцев, работающих в Германии, с просьбой освободить Бандеру из заключения, см. Occ E-4 (9), in Yiddish Scientific Institute

Пытаясь поставить под контроль националистическое движение, обе стороны затеяли споры, а также прибегли к организационному давлению. Многое происходило на «устном» уровне, особенно со стороны группы «край», которая, в сравнении с мельниковцами, не обладала ни физической базой, ни опытными полемистами, необходимыми для соревнования в прессе. Представители этой группы напирали на колебания и неудачи старшего Провода, доказывали, что те находятся в зависимости от иностранцев, и утверждали, что новое поколение лидеров хочет возвратиться к чисто военной организации наподобие УВО, оставляя политические и идеологические вопросы легальным партиям типа УНДО[120]. Существенным, однако, как выше указывалось, было обращение бунтарей к молодежи, ее воле, действию.

За контраргументами, предлагавшимися мельниковцами, легче проследить, потому что они излагались в открытых периодических изданиях, хотя и в несколько завуалированной форме. Часть контраргументации поставлялась теми, кто не состоял в ОУН, особенно церковными иерархами. Епископ Иван Бучко, который считался близким сторонником Шептицкого и который позднее стал главой всей Украинской католической церкви, вовсю расхваливал Мельника. Епископ был в то время в Америке с пастырским посещением украинских иммигрантов; в одном из своих интервью в Нью-Йорке он, как сообщали, заявил, что украинские националисты представляют цвет нации, обладают выдающейся личностью в лице Мельника как лидера[121]. Как выше отмечалось, монсиньор Волышин тоже ставил Мельника выше других националистических лидеров. Сомнительно, однако, что такие заявления, несмотря на авторитет их авторов, способствовали укреплению позиций Мельника ввиду явного антиклерикализма молодежных кругов.[122]

В аргументации мельниковцев основной упор делался, однако, на обязанность членов такой авторитарной организации, как ОУН, соблюдать субординацию в отношениях с руководством. Как уже отмечалось, характер Мельника и его взгляды не способствовали этому. Тем не менее партийные органы воздавали все больше хвалы лидеру, и все чаще разгорались теоретические дискуссии о природе его позиции[123]. Главной проблемой для любой авторитарной организации является установление легитимности ее лидера. Если сомнения в лидерстве нельзя подавить силой, нужно обратиться за благословением к фигуре из прошлого, которой поклоняются все. Поэтому непрестанно повторялось, что Коновалец назначил Мельника своим преемником и что Мельник созвал римский съезд во исполнение долгосрочных указаний убитого лидера[124]. Подвергались резкому осуждению «называющие себя националистами», но «впадающие в либерально-демократические грехи» личного неподчинения руководству и партийных интриг[125]. Несколько позже, подчеркивая воинский долг

(далее как Осс Е-4 (9)), и с осуждением «подрывной деятельности» среди украинских рабочих в Германии в издании «Український вісник», ЗО марта 1941 г., с. 1.

[120] Бандера в «Сурме». С. 2. Существенно, что те же аргументы приводятся в подпольной публикации апреля 1942 года (Бюллетень. № 4. С. 5—7).

[121] Наступ. 1940. 19 октября. С. 3.

[122] Другие влиятельные элементы поддерживали Мельника или, по крайней мере, осуждали тактику бандеровцев. В добавление к меморандуму Омельченко и Кубийовича, представленного немцам, последний поддерживал Мельника более косвенно – например, в статье, осуждающей политическую опрометчивость и склонность к насилию со стороны молодежи (Український вісник. 1941. 30 марта. С. 1). Позже (Там же. 1941. 10 апреля) несколько профессоров призывали украинскую молодежь высших учебных заведений на территории Большой Германии поставить национальное единство выше партийных интересов.

[123] Например, 14 декабря 1940 года «Наступ» посвятил Мельнику всю первую полосу по случаю его дня рождения; 23 декабря ему снова была посвящена вся первая полоса.

[124] Наступ. 1940. 5 октября. С. 1.

[125] Там же. 1940. 12 октября. С. 1.

членов ОУН соблюдать дисциплину, один из представителей «законной» группы заявил, что исключение из организации означает «моральную смерть».[126]

Однако оставалась еще одна область, в которой развертывалась борьба за власть. Отмечалось, что почти все влиятельные старые члены организации отвергли предложения бандеровской группировки к союзу. Было одно исключение – Ярый. У этого натурализовавшегося украинца одно время были разногласия с Мельником по поводу, как говорят, финансовой отчетности, а также разногласия, вызванные его стремлением высвободиться из-под контроля Мельника в переговорах с немцами[127]. В появлении нового центра Ярый, очевидно, увидел возможность уйти от подчинения тем, кого считал эмигрантским сборищем, безнадежно сбившимся с пути к реальной цели.

Он полностью порвал со старым Проводом и перевел свои ценные контакты на «край», в молодой энергии которого увидел единственную надежду на развитие сил освобождения[128]. Но, поступив так, он восстановил многих против нового движения, поскольку казалось странным, что только иностранец присоединился к бандеровской группировке. Почти с самого начала это обстоятельство способствовало появлению подозрений, что именно внешние силы – Советский Союз, а также Германия – инспирировали бунт, чтобы ослабить националистическое движение[129]. Был ли Ярый простым орудием абвера или старался использовать немцев, чтобы достичь целей националистов, сказать трудно; но представляется почти точным, что слухи о его связях с коммунистами беспочвенны.

Такие подозрения, однако, не помешали краевой группе продолжать формирование своей организации. Как будет показано далее, сильная нелегальная сеть сохранялась и в оккупированной Советским Союзом Галиции, руководил ею взбунтовавшийся Провод. В генерал-губернаторстве был отмечен также значительный прогресс. В марте 1941 года в Кракове была созвана генеральная конференция ОУН-Б(андеровцев) – в противовес римской – «Второй съезд ОУН»[130]. К этому времени значительная часть молодого поколения националистов включилась в новое движение, и уже начали появляться его ответвления. С одной стороны, «активисты» – Бандера и его первый помощник Стецко – полностью сохраняли контроль над организационной структурой. Им всеми силами помогал Мыкола Лебедь, один из первых краевых лидеров, который был теперь утвержден третьим в команде. Лебедь взялся за организацию службы безпеки (СБ) – службы безопасности. ОУН-Б было необходимо иметь свою тайную полицию подобно всем организациям, будь они в подполье или при власти, которые требуют монолитного подчинения лидеру и не щепетильны в выборе средств. В Лебеде – маленьком, спокойном, но решительном и жестком – СБ нашла довольно квалифицированного руководителя, впоследствии снискавшего – себе и возглавляемой им организации – дурную славу благодаря своей жестокости.

Очевидно, несколько поодаль от ведущей группы стояло множество молодых людей, которых в организации прежде всего привлекала военная сторона. Они еще не пользовались влиянием, но их наиболее типичному представителю, Роману Шухевичу, предстояло позже быстро пойти вверх. Еще дальше от руководящего ядра стояла группа, чьи цели включали в себя и социальные, как и национальные, аспекты желанной революции. Их лидером был Иван Митрынга, сын галицкого крестьянина, который был назначен Коновальцем специальным «референтом» по социальным вопросам. Он и его коллеги были слишком неприметны,

---

[126] Там же. 1941. 24 мая. С. 4.

[127] Интервью 67.

[128] Согласно письму, которое Ярый написал мне (датировано Пасхой 1953 года).

[129] Український вісник. 1940. 10 сентября. С. 2.

[130] *Микола Лебедь.* УПА: Українська Повстанська Армія (Пресове бюро УГВР – Українська головна визвольна рада, 1946). С. 14; *Петро Мірчук.* Акт відновлення української державності. ЗО червня 1941 року (Нью-Йорк, Головна управа організації оборони чотирьох свобід України, 1952). С 17.

чтобы обеспечить себе место у руля организации, но есть мнение, что они все же имели влияние на формирование платформы организации. Их программа, повторяя «волюнтаристские» элементы – упор на волю, действие, дисциплину, презрение к здравому рассудку и «националистическому» элементу верховенства нации (согласно декалогу движения, его члены, как было сказано, должны были ставить интересы украинской нации превыше всего), – давала некоторое место размышлениям о социальных вопросах. В то время как коммунистическая система отвергалась, осуждался и либеральный капитализм, а некий слабо очерченный социализм приветствовался.[131]

В то время как самую сильную украинскую партию разрывал фракционный конфликт, ее члены, наряду с членами менее авторитарных группировок, пытались поддерживать остатки независимой жизни в областях, полученных Советским Союзом. Галиция, реальная база организованного украинского национализма, перешла под коммунистический контроль в сентябре 1939 года. Поначалу лидеры легальных партий, похоже, не понимали всей значимости этой перемены. Большинство из них выросло при относительно толерантном австрийском режиме и даже под властью Польши было способно занимать позицию напряженного сотрудничества с властями. Значительное число чувствовало или по крайней мере надеялось, что подобное возможно и при советском режиме. Следует подчеркнуть, что эти люди были решительными антикоммунистами; большинство из них боролось с коммунизмом, когда он представлял собой весомую силу в Галиции двадцатых годов. Но коммунисты того времени, делавшие ставку на украинский национализм и не имевшие еще законченной тоталитарной доктрины, представляли собой совершенно иного противника, чем та коммунистическая партия, которая правила Советским государством в 1939 году.

22 сентября, когда советские войска подходили ко Львову, восьмидесятилетний Константин Левицкий, когда-то руководитель западноукраинской республики, начал формирование украинского непартийного комитета для ведения дел с оккупантами. С помощью доктора Степана Барана, видного лидера УНДО, из описаний событий которого можно узнать подробности этого эпизода украинской истории, удалось собрать приблизительно двадцать местных лидеров. Группа выбрала делегацию из семи человек для установления контактов с Красной армией. За два дня до этого они смогли получить аудиенцию у генерала Иванова, советского командующего, который вежливо принял их, но препроводил к некоему Мищенко, «директору по гражданским делам Западного фронта»[132]. Тот произнес несколько добрых слов на хорошем украинском; он обещал, что не будет никаких преследований, и все имевшее место до советской оккупации будет предано забвению. Эмиссары, особенно интересовавшиеся гарантиями безопасности культурного общества «Просвита» и грекокатолической церкви, были направлены Мищенко к специальным лицам, в ведении которых находились эти вопросы.

Пожилой Левицкий вернулся домой с ощущением, что миссия по налаживанию связей с новым оккупантом удалась. Но его более осторожный помощник, доктор Баран, в качестве директора самой крупной украинской газеты «Дило» направился к издателю газеты «Новый час» Зенону Пеленскому, чтобы обсудить с ним и А.Т. Чеканюком, главой нового учреждения по делам печати, вопросы, связанные с продолжением украинской журналистской дея-

---

[131] *Борис Левіцький.* Историчне значення розламу в ОУН // Вперед, № 2(11) 1950. С. 5—6. Дискуссия по поводу тенденций и лиц в недавно сформированной ОУН-Б основана прежде всего на интервью (24, 31, 75, 76) с несколькими из его наиболее активных членов. Соратники Лебедя, однако, отрицают, что он играл главную роль в СБ. Но см. Ярослав Стецко, ЗО червня 1941: Проголошення відновлення державности України (Toronto: League for the Liberation of Ukraine, 1967); там Лебедь внесен в число создателей (с. 184) СБ.

[132] В то время в Коммунистической партии Украины было по крайней мере три высокопоставленных должностных лица с такой фамилией. Наиболее ценная работа о советском правлении в Западной Украине в 1939—1941 годах – весьма обширное собрание свидетельств очевидцев, собранное во время немецкой оккупации Миленой Рудницкой: *Мілена Рудницька.* Західна Україна під большевіками (Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Шевченка в Америці, 1958).

тельности[133]. И тут стало ясно, что на самом деле означает советское вторжение. Чеканюк уже был включен в редакцию «Дила» и, очевидно, хорошо ознакомился с позицией и прошлым своих просителей. Он сообщил им о приехавшем коллективе из двадцати советских журналистов, которые начали подготовку к выходу преемницы «Дила» – коммунистической «Вильна Украина», и недвусмысленно дал понять своим «гостям», что их талантам может быть найдено применение, если направить их в правильное русло, руководство же прессой остается полностью в руках коммунистов.[134]

В течение недели несколько ведущих фигур местной украинской общины, включая Константина Левицкого и секретаря представительского комитета Ивана Нымчука, были арестованы. Какое-то время, однако, членов делегации, посетившей советский штаб, не трогали, и несколько человек сумели убежать на оккупированную немцами территорию[135]. Лидеры УНДО также были арестованы; доктор Дмытро Левицкий, глава партии и украинской делегации в Польском сейме, – 28 сентября, в это же время арестовали и его наиболее видных коллег. Арестованных лидеров направили в Москву, – как считают, в печально известную тюрьму на Лубянке, – и ни о ком из них, за редким исключением, с тех пор никто не слышал[136]. Коммунисты, избавившись от основных националистических политических деятелей, приступили к созданию собственной политической организации в Галиции и на Волыни. Даже официальная советская версия гласит, что сформировать «народное одобрение» по поводу присоединения оккупированных земель к Советскому Союзу удалось в минимальные сроки. «Украинский национальный конгресс» (так автор именует то, что по-украински называлось «Народни Зборі Західної України». – *Примеч. пер),* «избранный» сразу после советского вторжения, собрался 26 октября; 1 ноября председатель пленарного комитета М.И. Панчишин направил просьбу о вхождении в Украинскую Советскую Республику; 15 ноября Верховная рада (Верховный совет) одобрила просьбу, и таким образом восток и запад Украины «соединились».[137]

Несмотря на полную замену независимой печати и политических организаций коммунистическими учреждениями, в первые месяцы были предприняты значительные усилия, направленные на привлечение народной поддержки новому режиму. Возможно, одной из причин этой попытки было желание повлиять на умы украинцев за пределами увеличившейся Советской Украины, особенно в генерал-губернаторстве. В протоколе к соглашению о германо-советской границе и договору о дружбе от 28 сентября 1939 года, который определил границу между частями Польши, аннексированными двумя тоталитарными державами, предусматривалось, что правительство СССР не будет ставить никаких препятствий миграции этнических немцев из Восточной Польши в Германию. Это обеспечило нацистам право «возвратить домой» десятки тысяч германоговорящих жителей Волыни. В ответ Германия подтверждала равное право белорусов и украинцев выезжать в Советский Союз[138]. В соот-

---

[133] Чеканюк, специалист по политической журналистике, был редактором главной киевской газеты «Комуніст», в 1940 году он стал кандидатом в члены Центрального комитета Коммунистической партии Украины.

[134] Информация, изложенная в предшествующих абзацах, основана главным образом на статье Степана Барана «Зустріч з большевиками» в «Краківські вісті», 12 апреля 1942 г. и 14 апреля 1942 г., подтверждена во всех существенных аспектах в интервью 41, 78.

[135] *Баран.* Зустрич // Краківські вісті. 1942. 12 апреля. С. 2.

[136] Краківські вісті. 1942. 22 марта. Похоже, отдельные участники борьбы за независимость Украины одновременно были арестованы или казнены (Краківські вісті. 1941. 3 августа. С.2).

[137] *С.М. Белоусов и О.П. Оглоблин.* Західна Україна (Київ: Академія Наук УРСР, Інститут історії України, 1940). С. 108 и далее. Панчишин был, очевидно, выбран советскими властями скорее потому, что он был уважаемым львовским врачом, а не из-за того, что являлся сторонником коммунистов. См.: К. *Паньківський.* Від держави до комітету (Нью-Йорк: Життя и мислі, 1957). С. 23.

[138] Germany, Auswärtiges Amt, Nazi-Soviet Relations, 1939—1941, Documents from the Archives of the German Foreign Offise, eds/ Raymond James Sontag and Lames Stuart Beddie (Washington: Department of State, 1948). P. 104—105.

ветствии с дальнейшими условиями протокола, советской комиссии по «репатриации» позволялось посещать в начале 1940 года область, где жили лемки[139]; однако к концу июня ей удалось побудить только три с половиной тысячи украинцев пересечь границу в сторону Советского Союза.[140]

Кампания по приобретению друзей в Галиции и на Волыни имела отчасти отрицательные последствия (очевидно, с точки зрения националистов. – *Примеч. пер);* избегалось применять меры, которые могли бы разжечь антисоветские настроения. Деятельность церкви не была полностью подавлена. Хотя церковь и подвергалась резкой критике[141], ее недвижимое имущество было передано государству, а религиозные ордена распущены[142]. Советские власти ослабили влияние духовенства на молодежь, ликвидировав систему католических школ и заставляя детей вступать в коммунистические организации[143]. Однако митрополит Шептицкий был уважаемой фигурой[144]. Интеллигенции, не занимавшей видных мест в политике, предоставлялось заниматься своими делами, хотя представителям некоторых профессий, например юристам, пришлось сменить род деятельности[145]. Положительной стороной было то, что украинский язык получил гораздо большее распространение, чем при поляках. В частности, Львовский университет был формально украинизирован и по языку преподавания, и по штату сотрудников, хотя к сопротивлению оставшихся польских профессоров против чтения лекций на украинском языке власти относились снисходительно[146]. Студенты вузов Восточной Украины ездили на экскурсии в Западную Украину, а львовские студенты с поощрения коммунистов – в Киев[147]. Другие элементы галицкого населения – преподаватели, врачи, артисты – ездили в Киев, чтобы участвовать в украинских культурных мероприятиях.[148]

Однако спустя сравнительно короткое время советская администрация, кажется, убедится, что такое «либеральное» отношение к украинским национальным чаяниям непродуктивно. Примерно с середины 1940 года украинские оккупационные войска, которые, очевидно, были в слишком дружественных отношениях с местным населением, были заме-

---

[139] Krakauer Zeitung, 1940. 18—19 февраля. С. 6, сообщает о выезде одной тысячи украинцев из этого региона после посещения его советскими специальными представителями.

[140] Наступ. 1940. 29 июня. С. 2—3. В статье, весьма враждебной к советскому режиму, ввиду демонстративно сердечных отношений СССР с Германией в то время утверждалось, что «усиленная пропаганда» со стороны советских представителей, которой помогала «пророссийская интеллигенция», но которой противостояли «здоровые украинские элементы», закончилась скудной миграцией, указанной выше. Либо это один из не столь уж редких примеров возможностей Праги публиковать материалы, не соответствующие курсу германской политики, либо кто-то во власти дал сигнал к развертыванию антисоветской кампании уже на столь раннем этапе. В последнем случае это могло быть тонко спланированным ответным ударом в подспудном конфликте по поводу советских претензий на Буковину. С другой стороны, еще в марте Krakauer Zeitung напечатала сообщение одного немца о посещении деревень в районе проживания лемков. Он хвалил молодых украинцев, отмечая, что на них была одежда национальных синих и желтых цветов и что его приветствовали возгласами «Хайль Гитлер» и «Слава Украине» (Krakauer Zeitung. 1940. 7 марта. С. 5).

[141] См.: *Ф. Ястребов.* Уніатське духовенство на службі у польского панства// Комуніст. 1939. 9 октября. С. 2.

[142] Die Tragödie der ukrainisch-katholischen Kirche Ukraine in Vergangenheit und Gegenwart. 1952. Январь. С. 14.

[143] Краківські вісті. 1942. 18 марта. С. 4; *Степан Баран.* Митрополит Андрей Шептицький. Мюнхен: Вернигора Українське видавниче товариство, 1947. С. 112.

[144] Там же.

[145] Интервью 36.

[146] Официальную советскую версию см.: *М. Марченко* (новый ректор Львовского университета). Львівський університет на нових шляхах//Комуніст. 1939. 16 декабря. С. 2. Но польские коммунисты (включая Владислава Гомулку) продолжали активную пропаганду во Львове. *Павло Калениченко.* Польска прогресивна эміграція в СРСР в роки Другой Світовой війни. Киев: «Видавництво Академії Наук Української РСР 1957. С. 28.

[147] Интервью 51; Краківські вісті, 1943. 17 сентября, о поездке приблизительно сорока студентов львовского ветеринарного училища в Киев весной 1940 года.

[148] *Артур В. Юст.* Krakauer Zeitung. 1941. 12 августа. С. 5.

нены частями, укомплектованными солдатами, призванными на службу в Средней Азии[149], приграничная с генерал-губернаторством полоса в несколько миль была очищена от населения, и пересечение границы стало почти невозможным[150]. Было положено начало коллективизации сельского хозяйства[151]. Возможно, не менее важным, чем эти целенаправленные действия, было направление десятков тысяч советских государственных, партийных и армейских работников на запад Украины, и местное население было серьезно раздражено непомерной численностью чужеродных элементов.[152]

Хотя и невозможно знать, какими мотивами руководствовалась советская власть, переходя к более жесткой политике, можно предположить, что сыграло свою роль негативное отношение населения к эпохе «терпимости». Власти, вероятно, скоро обнаружили, что студенческие обмены имели эффект, противоположный задуманному, поскольку западноукраинские студенты были неприятно удивлены бедностью на востоке Украины и господством во многих номинально украинских местах русского языка и культуры[153]. С другой стороны, у восточноукраинских студентов, приезжавших во Львов, появлялась первая возможность заразиться вирусом «буржуазного национализма»[154]. Помимо нежелательных идеологических последствий, прежняя политика не предотвратила подпольной деятельности молодых националистов в Галиции.

Большинство членов ОУН, конечно, не могли покинуть оккупированные советскими войсками земли. Невозможно получить достоверные свидетельства того, насколько активно оставшиеся националисты продолжали свою деятельность, но они наверняка воздерживались от открытой оппозиции режиму. Тем не менее в конце 1940 года НКВД удалось выследить значительное число националистов, которые были приговорены к смерти или тюремному заключению после судебного процесса во Львове, известного по документам ОУН как «суд над пятьюдесятью девятью». Среди приговоренных был Крымницкий, руководитель движения ОУН на оккупированных советскими войсками территориях[155]. По всей вероятности, он и его товарищи стояли на стороне Бандеры в его споре с Мельником. Конечно, оставшиеся члены организации, которые, несмотря на серьезные потери в их рядах, были способны и далее существовать как организованное подполье, стали приверженцами нового лидера. Новый руководитель подполья, Иван Климов, являлся одним из наиболее фанатичных сторонников Бандеры, какими могло похвастаться это фанатичное движение молодого поколения[156]. Несмотря на то что многие в Галиции поддерживали полковника Мельника, сомнительно, чтобы они проявляли достаточную активность – или проворность – для фор-

---

[149] *Михайло Когут.* Як жило галицьке село під большевиками // Краківські вісті. 1942. 1 марта. С. 6; сообщение об интервью с доктором Х.Й. Байером (германское должностное лицо, работавшее в Галиции), Український вісник. 1941. 16 июля. С. 3.

[150] Наступ. 1940. 29 июня. С. 3; Краківськи вісті. 1940. 10 ноября. С. 3, основано на статье в Frankfurter Zeitung.

[151] *Когут.* Краківські вісті. 1942. 1 марта. С. 6; Краківські вісті. 1941. 25 ноября. С. 2; 1942. 17 мая. С. 4. См., в частности: *Рудницька.* Західна Україна під большевиками. С. 333 и далее.

[152] Краківські вісті, 1942. 13 января. С. 4, отмечают, что из-за притока польских беженцев после начала войны и с прибытием советских должностных лиц население Львова при советской оккупации увеличилось с 318 тысяч до 450 тысяч. 14 августа 1941 года газета напечатала письмо из Львова, в котором утверждалось, что число советских официальных лиц вместе с их семьями достигло ста тысяч. Юст в Krakauer Zeitung. 1941. 12 августа. С. 5, делает вывод на основании количества голосов, поданных на выборах в советы в Станиславе летом 1940 года, что население этого города выросло, должно быть, более чем на 40 тысяч человек, тысяча из которых, утверждает он, были офицерами НКВД. Рудницька (Західна Україна під большевиками), с. 94, оценивает приток населения в 200 тысяч. Более подробно John A. Armstrong. The Soviet Bureaucratic Elite: A Case Study of the Ukrainian Apparatus (New York: Frederick A. Praeger, 1959), Chapter 8.

[153] Краківські вісті. 1943. 17 сентября. С. 3.

[154] Интервью 51.

[155] См., например: *Михайлюк.* Бунт Бандери. С. 4. Ср.: Український вісник. 1941. 17 августа. С. 4, перепечатка статьи из «Українські щоденні вісті» (Львов).

[156] Интервью 43.

мирования даже подобия подполья, хотя, очевидно, агенты спорадически контактировали со штабом в генерал-губернаторстве.

Ситуация на Волыни была менее благоприятной для националистической деятельности, чем в Галиции, так как никогда тот же процент молодежи не был завербован там ОУН, как в Галиции. В большей части этой области, если не во всей, ни у Мельника, ни у Бандеры не было своих организаций, хотя представители, вероятно, были[157]. УНР, с другой стороны, как будет сказано дальше, была способна установить непрочные связи с группой, сформированной националистической молодежью в отдаленных городках Костополе и Людвиполе – области близ прежней границы между польской и советской Волынью.

Ситуация в Буковине до июня 1940 года во многих отношениях была сходной с той, что существовала в Галиции перед сентябрем 1939 года. Украинское население (приблизительно четверть миллиона) было подвергнуто со стороны румынского правительства политике денационализации, которая серьезно ограничивала преподавание на украинском, а также использование этого языка в прессе и культурной деятельности. Как и в Галиции, легальная печать и партия существовали, но последняя работала в рамках возможностей, предоставленных румынскими властями. Имелось и довольно большое отделение ОУН, работавшее в подполье. Большое число украинцев проживало и в Южной Бессарабии. Эта часть украинской этнической группы, однако, была настолько отсталой в культурном отношении и настолько отрезана географически от районов, где национализм был силен, что, похоже, не играла никакой роли в националистических движениях военного времени.

В июне 1940 года, когда Германия завершала Французскую кампанию, Советский Союз начал настойчиво выдвигать требования территориальных уступок со стороны Румынии. Давно считалось, что Москва при первой благоприятной возможности заберет назад Бессарабию, аннексию которой Румынией она никогда не признавала. Претензии на Буковину, однако, вызвали, очевидно, шок у германских участников переговоров, предметом которых было урегулирование требований русских. Германская сторона напомнила, что Буковина никогда не была частью Российской империи и что там находилась большая немецкая колония. Молотов привел контраргумент: Буковина является «недостающей частью» Украины; он согласился ограничить свои требования северной, преобладающе украинской частью, и предложил разрешить репатриацию этнического немецкого меньшинства.[158]

Германия не была готова к разрыву с СССР, поэтому Румынии пришлось уступить. 28 июня ее силы покинули Черновцы (Чернівці), главный город Буковины, и он был занят Красной армией. Последующие события развивались подобно тому, как это было за девять месяцев до этого во Львове, но в более быстром темпе. Ведущая газета «Час» была советизирована, и появился новый, коммунистический, орган – «Нова Рада», правда, был снят запрет со многих украинских книг, наложенный румынскими властями[159]. Украинский «Народный дом» и другие национальные культурные общества были закрыты. В то же время советская печать развернула кампанию разоблачения репрессивных мер, направленных румынами на подавление украинской культурной жизни. Советские авторы выражали возмущение по поводу трудностей, которые пережила украинская интеллигенция в Черновцах, хотя петлюровские элементы вызывали у них негодование[160]. Многим видным украинцам не позволили вкусить новой «интеллектуальной свободы», они были арестованы или расстреляны

---

[157] Мельниковцы с тех пор утверждали, что их организаторы, которые значительное время находились на Волыни, были убиты бандеровцами незадолго до начала германо-советской войны или как только она началась; см.: *Михайлюк.* Бунт Бандери. С. 88; *О. Штуль.* В ім'я правди. До історії повстаного руху в Україні. Rotterdam, 1947. С. 10.

[158] Посол в Москве фон дер Шуленбург в министерство иностранных дел, 26 июня 1940 г., *Nazi-Soviet Relations.* С. 159.

[159] Наступ. 1940. 3 августа. С. 3.

[160] *Бесарабія* і північна частина Буковини // Комуніст. 1940. ЗО июня. С. 2; *С. Журакович* и *Э. Патнер.* Місто під Прутом // Комуніст. 1940. 5 июля. С. 3.

как националистические «контрреволюционеры». Известно, однако, что германский консул и комиссия по репатриации этнических немцев сумели вывезти многих украинских политических лидеров и священнослужителей православной церкви[161]. Во всяком случае, много тысяч беженцев, главным образом молодые люди, подались в Германию, дав новый стимул той части ОУН, которая оставалась под руководством Мельника.[162]

Подчинение Западной Украины советской власти принесло смерть или тюремное заключение значительному числу видных украинцев; население было подавлено страхом, его свобода была серьезно ограничена. Эти факторы не могли не иметь большого значения, ибо создали ситуацию, при которой украинцы этих областей, по крайней мере первоначально, приветствовали бы любую силу, которая противопоставила бы себя Советскому Союзу, не вдаваясь в природу такой силы. Советская оккупация длилась, однако, относительно короткий период времени, да и политика, предписанная Москвой, была умеренной в первые месяцы, чтобы не вызывать отчуждения со стороны местных жителей. Следовательно, жесткость коммунистического правления не была в состоянии уничтожить материальную или психологическую основу для будущего возрождения националистической силы. Ожесточенная фракционная борьба, развернувшаяся в течение того же самого периода в областях, подчиненных Германии, была важнее, поскольку означала, что в решающий момент истории украинские националисты не были едины.

[161] Краківські вісті. 1941. 7 сентября. С. 3.

[162] См. главу 4.

Глава 4
Вторжение на Украину

Задолго до того как Запад разгадал намерения Гитлера, тот начал приготовления к кампании против Советского Союза. Уже в 1940 году немцы тайно сформировали учебные военные части из украинцев. Вербовка осуществлялась под прикрытием официальных утверждений, будто эти части созданы только для фольксдойче, их назначение было замаскировано названием Reichsarbeitdienst (Служба рейха по набору рабочей силы), и эта служба являлась главной в своем роде на территории генерал-губернаторства. Через несколько лет осведомитель-украинец сообщил – его сообщение было передано по разведывательным каналам без исправлений в разведуправление высокого уровня – иностранные части «Восток», – что «пятнадцать тысяч украинцев служили в германской армии в 1941 году разведчиками, парашютистами, диверсантами и переводчиками»[163]. Многих также готовили для службы в полиции[164]. Сначала с украинской стороны за подготовку этой армии отвечал полковник Сушко, и обучающиеся находились под влиянием группы Мельника. Но после полного раскола бандеровские элементы стали главенствовать во многих учебных частях, которые состояли преимущественно из молодых людей, годных для полной строевой службы.[165]

По этой причине или потому, что они были недовольны попытками ОУ Н-М (группы Мельника) в чем-то следовать независимым от них курсом, немцы все более и более поворачивались лицом к раскольнической фракции. Это особенно проявилось в начале весны 1941 года, когда вермахт начал менее скрытое развертывание украинских частей. Первая такая часть была известна под кодовым названием Nachtigall и была организована в генерал-губернаторстве. Номинально только рядовой персонал состоял из украинцев, в то время как все офицеры были немцами. Фактически, и немцы об этом знали, там был полный штат «неофициальных» офицеров-украинцев во главе с лидером «военного крыла» ОУН-Б Романом Шухевичем. Поначалу в «Нахтигале» состояло полторы сотни человек, но к началу войны она разрослась до батальона.[166]

Второе формирование, большее по численности, но менее значимое политически, было создано в Австрии. Там украинцам было формально предоставлено больше командных полномочий, чем в «Нахтигале». Де-факто командиром являлся полковник Ярый, диссидентский элемент старого Провода, который находился в самых тесных личных отношениях с офицерами абвера, занимавшимися этим формированием, и сразу снискал уважение молодых подчиненных. Иван Гаврусевич, один из бандеровских лидеров, отвечал за вербовку, которая осуществлялась среди обширной украинской колонии в Австрии. До 1940 года главной украинской организацией на австрийской территории была контролируемая ОУН студенческая «Сечь» в Вене. Эта организация продолжала оставаться лояльной к Мельнику, но большинство украинских рабочих склонялись к поддержке нового движения. Именно среди них в основном Гаврусевич набирал новых рекрутов, хотя приблизительно четверть была набрана из числа студентов, главным образом в военно-медицинской школе в Граце. Были приняты меры, чтобы это формирование, которое организаторы назвали дружинами укра-

---

[163] «По подсчетам историка О. Субтельного, почти 220 тысяч украинцев пошли на сотрудничество с оккупантами, служили в немецкой армии либо в полиции». Історія України. Львов, издательство «Світ», 1998. С. 306. Этаже цифра приводится в сноске 52 к главе 7 книги.

[164] Abwehrabteilung III / Walli III, April 22, 1944, transmitting «On the question of the National Movements in Galicia»; *Степан Гуляк.* Полк из Холодного Яра в Рівному // Вісті братства кол. вояків І. УД УНА. 1952. август – сентябрь. С. 7.

[165] Abwehrabteilung III / Walli III.

[166] *Никон Наливайко.* Легіони в національних війнах // Народна воля. 1949. 27 октября. С. 2.

инских националистов, удерживать в руках бандеровской группы, хотя оно лишь наполовину фактически относилось к новой партии. В отличие от «Нахтигаля», который был одет в серую полевую форму вермахта, в «Роланде», как назвали воинскую часть, составленную из «дружинников», носили форму, подобную форме галицкой части украинской армии революционного периода.[167]

Как явствует из приведенного описания, эти части вермахта были подготовлены, можно сказать, на временной основе при активной помощи нескольких ведущих лидеров ОУН-Б, но без использования организационной структуры этой группы. Однако Бандера и его главные подручные были в курсе происходящего и относились к этому с одобрением, так как видели в создании данного подразделения средство для укрепления позиций своего движения[168]. Кроме того, очевидно, весной 1941 года было достигнуто взаимопонимание между руководством ОУН-Б и некоторыми офицерами вермахта, в частности относительно использования украинцев в приближающейся войне. Это соглашение было неофициальным и крайне неопределенным. На основании беглых упоминаний в германских документах того времени и воспоминаниях украинских и германских офицеров, участвовавших в этих договоренностях, можно сделать вывод, что они предусматривали: немцы позволят бандеровцам заниматься политической деятельностью в областях, которые будут оккупированы, в то время как рейх будет по собственному усмотрению организовывать экономику на занятых территориях в соответствии с потребностями военной промышленности.[169]

Помимо трудностей с определением экономических и политических сфер, это рудиментарное соглашение было искажено несколькими ошибками. Бандеровцы, невежественные по части юридических формулировок и вообще неопытные в составлении формулировок любого вида, считали, что им предоставлена свобода в политической области. Представители вермахта, очевидно, полагали, что Германия поддержит дело украинской независимости, но их нацистское руководство никогда и не помышляло о таком курсе. С другой стороны, армейские офицеры думали, что могут контролировать новую украинскую партию, пока продолжается междоусобица, и рассматривали политическую деятельность Бандеры как локальный, вспомогательный способ достичь победы.

Когда вспыхнула война, недолговечность этих договоренностей тут же проявила себя. Не успели сообщения о начале боевых действий достичь Кракова, как бандеровцы организовывали Украинский национальный комитет, который был призван служить, согласно их декларации, инструментом сплочения всех украинских национальных сил для освобождения родины. Пользовавшийся высоким уважением бывший офицер армии УНР генерал Всеволод Петров был определен в президенты, видным членам большинства украинских партий были гарантированы посты в комитете – наряду с представителями самого ОУН-Б, во главе с доктором Горбовым[170]. Такое неожиданное появление новой партии в качестве лидера

---

[167] *Любомир Ортинський.* Дружини українських націоналістів (ДУН) // Вісті братства кол. вояків л. УД УНА. 1952. Июнь – июль. С. 4; *Роман Ільницкий.* Deutschland und die Ukraine, 1934—1945: Tatsachen europäischer Ostpolitik, ein Vorbericht, Vol. II (Munich: Osteuropa Institut, 1956), ss. 140—142, заявляет, что Шушкевич имел звание лейтенанта германской армии. Ильницкий также утверждает, что большая часть обоих формирований состояла из бывших членов «Карпатской сечи», а не состоящих в ОУН-Б принимали только в исключительных случаях.

[168] Интервью 24, 76.

[169] Вопрос о «соглашении» между немцами и бандеровцами является предметом горячих споров. Некоторые лидеры ОУН отрицают, что имело место реальное соглашение, а немцы указывают, что украинцы нарушили слово, объявив о создании своего «правительства» во Львове (интервью 62). Полицейский доклад того времени, который, казалось бы, не должен иметь отношения к этому предмету, подтверждает, что соглашение, содержащее условия, упомянутые в тексте, имело место деятельность и оперативная сводка полиции безопасности и службы безопасности в СССР, январь – март 1942 г., далее упоминается как PS 3876).

[170] *Петро Мирчук.* Акт відновлення української державності, ЗО червня 1941 року. Нью-Йорк: Головна управа організації оборони чотирьох свобід України. 1952. С. 18—20. Утверждается, однако, что Петров даже не ведал о своем назначении, находясь в то время в протекторате; ср.: *Г. Поликарпенко.* Організація українських націоналістів підчас Другой світо-

консолидации украинских сил в генерал-губернаторстве объяснялось двумя факторами: ее непоколебимой решимостью, воплощенной в быстрых действиях, взять на себя командование и широко распространенным мнением, что немцы ее поддерживают. Реальные планы этой руководящей группы, однако, не раскрывались перед видными украинскими деятелями, которые доверяли ее руководству.[171]

Обеспечив видимость широкой поддержки в эмиграции, бандеровцы быстро перешли к своей цели «обустройства» территорий, занимаемых немецкими войсками. Тем временем, однако, пугающие события происходили в пределах советских границ. В первые часы после начала войны в ряде мест разразились восстания подпольщиков, которые имели успех в борьбе против советских войск в некоторых весьма отдаленных районах, где плохо проходимая местность давала возможность легковооруженным повстанцам эффективно действовать против советских сил безопасности. Такие восстания имели место в районе Самбора в пределах двух суток после начала войны и далее на восток – в районах городов Подгайцы и Монастыриска, там украинская милиция взяла на себя полицейские функции и распустила колхозы до прихода немцев[172]. В менее защищенных районах, однако, советские репрессии были ужасны. Части немецкой военной полиции, вошедшие во Львов, когда город был еще в пожарах, дали наиболее красочное и обстоятельное сообщение об обстановке. В подвалах главной политической тюрьмы НКВД трупы лежали в четыре-пять слоев; многие из найденных трех с половиной тысяч жертв, должно быть, были убиты сразу после начала войны. В другой тюрьме было много убитых из сельской местности, и были они убиты, похоже, тупыми предметами, за несколько дней до взятия Львова. Хотя убийства носили сильную антисемитскую окраску, было признано, что незначительное меньшинство заключенных, убитых перед бегством НКВД, были евреями, и отмечено, что «совсем не ясно, обращало ли ГПУ внимание на национальность». Если быть точным, подавляющее большинство убитых составляли представители польской и украинской интеллигенции, включая членов их семей – женщин и детей. В германских сообщениях были резко раскритикованы украинские переводчики за их ненадежность; утверждалось, что они в своих действиях и высказываниях руководствовались эмоциями: настаивали, будто все жертвы – украинцы, оскорбляли попадавшихся им поляков и требовали, чтобы все евреи были немедленно убиты.[173]

Спецгруппы СС (SS Einsatzgruppen), с другой стороны, были заняты больше разжиганием этнических раздоров, чем восстановлением порядка в военных целях. Их сообщения подтверждают масштабы массовых расправ со стороны НКВД во Львове и их собственных зверских убийств евреев в небольших городках. В некоторых местах эсэсовцы получали большое удовлетворение оттого, что им удавалось подстрекать местных украинцев к расправам[174]. В результате значительная часть большого еврейского населения Галиции, а также десятки тысяч советских должностных лиц и членов их семей потянулись на восток, чтобы избежать расправ со стороны немцев.

вой війні (4-я пересмотренная редакция «ОУН у війні», изд. Б. Михайлик. Канада, 1951. С. 69). *Ильницкий.* Deutschland und die Ukraine, 1934—1945: Tatsachen europaischer Ostpolitik, ein Vorbericht. Vol. IL S. 145, приводит доказательства, что ОУН-Б начала организовывать комитет в апреле, хотя датой официального основания комитета является 22 июня 1941 года.

[171] Интервью 24.

[172] Краківські вісті. 1941. 6 августа. Наступ. 1942. 30 августа. С. 2, цитируются «Самбірські вісті», 10 августа 1941 г.; *Ильницкий.* Deutschland und die Ukraine. Vol. IL S. 167—173. Советское освещение см.: *Н.К. Попель.* В тяжкую пору. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1959. С. 6, 47—48. Там признается, что во Львове и по всей Галиции имели место крупные восстания бандеровцев перед самой войной с Терманией и сразу после ее начала.

[173] 454th Security Division, Ia, Kriegstagebuch, September 22, 1941, Anlage (приложение) 95, report of Geheime Feldpolizei, Gruppe 711. Iuly, 7. 1941.

[174] Chief of the SP and SD, Report Activity and Situation Report of the SP /Sicherheitspolizei/ and the SD /Sicherheitsdienst/ on events in the USSR, No. 20, Iuly 12, 1941, and No. 23, Iuly 15, 1941 (T 175, Reel 233). В своем обстоятельном труде The Destruction of the European Jews (Chicago: Quadrangle Books, 1961), p. 350, Raul Hilberg показывает, что украинцы были вовлечены в насилие против евреев Галиции.

30 июня, при всеобщей дезорганизации, вызванной этими зверствами, первые группы бандеровцев добрались до Львова. Некоторые, подобно Ярославу Стецко, прибыли нелегально, хотя и при поддержке германских прифронтовых частей. Другие – в составе «Нахтигаля», которая была среди передовых сил вермахта. В документах, предоставленных Польшей в послевоенный период, цитируются показания свидетелей, утверждавших, что солдаты «Нахтигаля» участвовали в зверствах против евреев[175]. Однако, поскольку многочисленные украинские переводчики при германских войсках носили такую же форму, как военная полиция, упомянутая выше, они вполне могли быть реальными виновниками этих злодеяний.

Сторонники Бандеры из «Нахтигаля» и их подпольные сотоварищи по ОУН-Б подобно Стецко были нацелены на другое: извлечь выгоду из неопределенной ситуации в галицкой столице, чтобы обеспечить командные позиции для реализации программы ОУН-Б. За месяцы изоляции от мира вне пределов Советского Союза большинство граждан Львова и не слышали о внутреннем раздоре в ОУН. Кроме того, ужас последних дней советской оккупации заставил их смотреть на немцев как на ниспосланных провидением освободителей; тесная связь бандеровских лидеров с одетыми в серое солдатами вермахта весьма повышала их престиж в глазах соотечественников.

Какие заверения дали бандеровцы немцам за поддержку с их стороны, в какой мере они могли, по их мнению, полагаться на немцев, невозможно определить. Но как бы то ни было, группа ОУН-Б немедленно после появления во Львове назвала доктора Георгия Полянского, видного львовянина, городским головой и сумела организовать собрание «избранных» национальных представителей, причем все это было сделано в один вечер. Они надеялись заполучить для собрания Львовский государственный театр с большим и представительным залом, но оказалось, что его реквизировали для немецкой армии, и пришлось ограничиться маленьким помещением общества «Просвита»[176]. Стецко обратился к собравшимся с заявлением, что съезд эмигрантов в Кракове уже заложил фундамент украинского правительства. Затем провозгласил создание украинского государства. Стоит полностью привести этот текст, так как он дает превосходное представление об образе мышления группы Бандеры.[177]

---

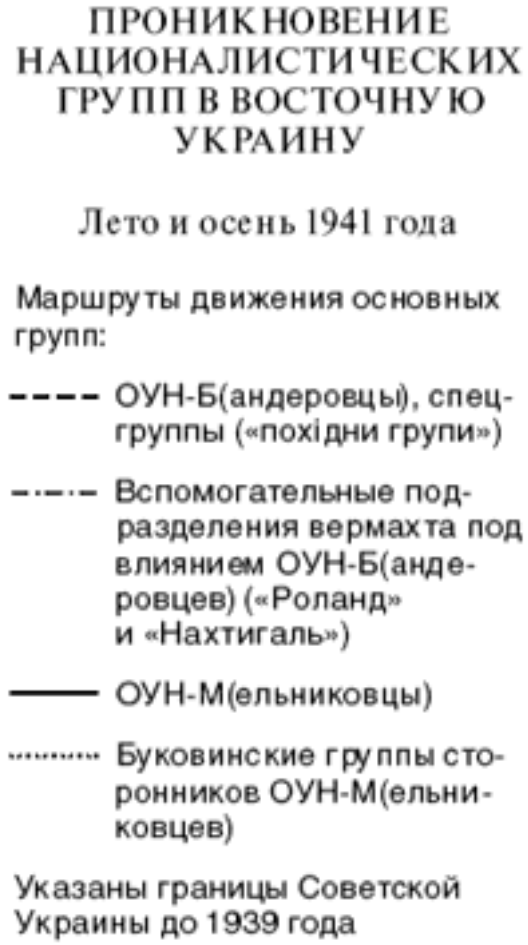
[175] Alexander Droidiynski and Jan Zaborowski, Oberländer: A Study in German East Politics (Poznan: Wydawnictwo Zachodnie, 1960). Как показывает название, эта работа была посвящена разоблачению германского офицера Теодора Оберлендера, который отвечал за «Нахтигаль» и в момент публикации был членом правительства Федеративной Республики Германии. Я не сумел найти каких-либо подтверждающих свидетельств причастности «Нахтигаля» к антисемитским злодеяниям.

[176] *Мірчук.* Акт. С. 30; интервью 21 и 24; ср. *Кость Панківський.* Від держави до комітету (Нью-Йорк: Життя і мислі, 1957). С. 55, утверждает, что ОУН-Б могла бы получить для себя театр, если бы захотела.

[177] Перевод сделан со старой машинописной копии декларации, которую мне предоставил Владимир Стахив. Напечатанная версия у Мирчука (Акт. С. 32) называется «Акт воссоздания украинского государства»; противники Бандеры подвергали насмешкам этот шаг как попытку «провозгласить» украинское государство, которое уже существовало с 1918 года. Другие разногласия не столь важны. Прочие версии см.: *Панківський.* Від держави до комітету. С. Ill и далее.

Акт Провозглашения украинского государства

1. По воле украинского народа Организация украинских националистов под руководством СТЕПАНА БАНДЕРЫ объявляет о воссоздании украинского государства, ради которого целое поколение лучших сыновей Украины проливало свою кровь.



Организация украинских националистов, которая под руководством ее создателя и вождя ЕВГЕНА КОНОВАЛЬЦА в течение прошедших десятилетий кровавого москальско-большевистского рабства продолжала упорную борьбу за свободу, призывает весь украинский народ не складывать оружия до тех пор, пока суверенное украинское государство не сформируется на всех украинских землях.

Суверенное украинское правительство гарантирует украинскому народу лад и порядок, разностороннее развитие всех его сил и удовлетворение его чаяний.

2. В западных землях Украины создается украинское правительство, которое будет подчинено украинской национальной администрации, которая будет создана в столице Украины – Киеве.

3. Украинская национально-революционная армия, которая создается на украинской земле, продолжит борьбу против московской оккупации за суверенное всеукраинское государство и новый, справедливый порядок во всем мире.

Да здравствует суверенное украинское государство!

Да здравствует Организация украинских националистов!

Да здравствует глава Организации украинских националистов СТЕПАН БАНДЕРА!

Город Львов, 30 июня 1941 года, 20.00.

Глава народного собрания

Ярослав Стецко

Встреча, на которой был принят акт – под таким названием вошел этот документ в украинскую полемику, – имела сравнительно малое значение из-за спешки в созыве и небольшого числа участников. Однако это собрание сразу нарекли «национальной ассам-

блеей». Куда важнее акта провозглашения был тот факт, что в неразберихе после ухода Красной армии и прихода немцев украинцам удалось получить доступ на львовское радио[178], и Стецко смог зачитать текст акта провозглашения. Кроме того, в течение дня Стецко и некоторым его сподвижникам, включая прежде всего преподобного Ивана Грыньоха, капеллана «Нахтигаля», удалось добиться аудиенции у прикованного к постели митрополита Шептицкого. Не вдаваясь в детали своих отношений с Мельником (позже утверждалось, что митрополит «должен был» знать о конфликте), они информировали его относительно планов провозглашения украинского государства и попросили поддержки[179]. Убежденный, очевидно, что группе покровительствуют немцы, и надеясь на скорое установление независимости Украины, митрополит составил пастырское письмо, призывающее народ поддержать новообъявленное правительство, отметив, что «жертвы ради достижения наших целей диктуют необходимость сознательного повиновения распоряжениям правительства, которые не противоречат законам Божьим». Кроме того, он заявил: «Мы приветствуем победоносную германскую армию как освободителя от врага. Мы выражаем наше смиренное почтение образованному правительству. Мы признаем г. Ярослава Стецко главой государственной администрации Украины».[180]

Пастырское письмо зачитал по радио преподобный Грыньох в то же утро, очевидно, в присутствии епископа Слипого, что, похоже, сняло все сомнения насчет легитимности правительства Стецко, которые, возможно, присутствовали у большинства видных украинских деятелей во Львове.

Лидеры бандеровцев поспешили закрепить победу. Они чувствовали потребность найти человека более авторитетного, чем молодой энтузиаст Стецко, – как заместитель Бандеры, он уже объявил себя главой государства, – и уговорили стареющего Константина Левицкого, который лишь за несколько месяцев до начала войны был освобожден из тюрьмы, принять на себя пост председателя парламента или совета старейшин. В то же самое время группа Бандеры приготовилась сформировать «кабинет», в который вошли бы люди широкого спектра партий. Сам Стецко должен был стать «премьером», так как боялся, что человек не из их партии не сможет противостоять немецкому давлению. Бандеровцы должны были занять ключевые посты. Заместителем военного министра хотели видеть Шухевича; министром безопасности стал бы Лебедь, а министром политической координации – Климов (Клымив).[181]

Правительству Бандеры, однако, не суждено было прожить долгую жизнь, достаточную для того, чтобы осуществить эти планы. Провозглашение правительства в зале «Просвиты» вызвало сильное раздражение у офицеров вермахта, организовавших «Нахтигаль». Они-то знали, что это вызовет резкую реакцию правящей нацистской верхушки в Берлине, в то время как сами офицеры надеялись, что с помощью осторожной процедуры смогут обеспечить постепенное развитие дружественного автономного украинского режима, по крайней мере в Галиции, так, чтобы партийная верхушка не поняла, что там происходит. Неко-

---

[178] Интервью 21, 24, 63; *Мірчук.* Акт. С. ЗО; *Василь Рудко* (Р. Лісовий). Розлам в ОУН // Українські вісті. 1949. 3 ноября. С. 3. См., в частности, обзор событий в Auswärtiges Amt, 21. Iuli 1941, Series 5081, Ausrufung der ukrainischen Staatsgewalt, где подтверждаются многие детали.

[179] Интервью 24, 63. Они базируются на факте, что Шептицкий был в тесном контакте с Климовым, главой ОУН-Б(андеровцы) в Восточной Галиции. Но см.: *Ярослав Стецко.* ЗО червня 1941: Проголошення відновлення державності України. (Toronto: League for the Liberation of Ukraine, 1967). С. 189. Он признает, что не обсуждал конфликт в ОУН с Шептицким или Слипым.

[180] Цитата взята из копии листовки того времени с текстом пастырского письма.

[181] *Стецько.* ЗО червня 1941. С. 226; ср. *Ильницкий.* Deutschland und die Ukraine. Vol. IL С. 189; *Мірчук.* Акт. С. 35—36; *К. Паньківський.* Від держави до комітету. С. 40—46; интервью 24. Мирчук и Ильницкий упоминают Петрова как воєнного министра, в то время как в докладе СД (№ 4529) на этом посту числится Ярый, а Климов – министром безопасности. Ильницкий вносит в список Лебедя просто как государственного секретаря.

торых из них встревожило, что широкая огласка акта может пробудить русский патриотизм, что нанесет удар по поддерживаемому немцами украинскому сепаратизму и таким образом усилит советское сопротивление.[182]

Бандеровская группировка, со своей стороны, понимала, что реакция немцев будет неблагоприятной, но считала, что линию на провозглашение необходимо продолжать, чтобы поставить немцев перед свершившимся фактом. 3 июля сообщения о провозглашении украинской независимости были разосланы разным государствам оси. Бандеровцы рассчитывали на то, что немцам трудно будет предпринять открытые меры против широко раздекларированного «украинского правительства», поскольку такая акция могла бы существенно снизить поддержку германской кампании нерусскими народами Советского Союза. Если бы такое давление было оказано – доказывали позже бандеровцы, – эти народы знали бы, чего ожидать от нацистского режима. На деле Бандера и его сторонники, по-видимому, правильно понимали позицию офицеров вермахта, с которыми они поддерживали отношения. Несмотря на свое недовольство по поводу провозглашения, последние сомневались, стоит ли принимать какие-то контрмеры. Они «подыскивали другой путь», по возможности, а тем временем мирно убеждали влиятельные львовские круги в неадекватности режима Стецко.[183]

Бандеровская группировка была, однако, не в состоянии оценить всю глубину истинной природы высокой политики Германии. В свете того, что позже происходило на Украине, представляется вероятным, что Гитлер и его прислужники приказали решительно подавлять там любые формы самоуправления независимо от того, имел место этот акт или нет. Однако провозглашение немедленно вызвало реакцию, которой опасались в вермахте. Приблизительно через три дня после акта провозглашения во Львов прибыла одна из спецгрупп СС (SS Einsatzgruppe). Примечательно, что при ней было несколько украинцев в роли переводчиков или «политических репортеров», включая по крайней мере одного видного сторонника Мельника – Шухевича. После нескольких дней прощупывания почвы эта группа дождалась, когда Стецко и его друг Ребет приехали 9 июля в административное здание, и посадила их под «почетный арест».[184]

Примерно в то же время были арестованы Бандера (которому никогда не разрешали покидать территорию генерал-губернаторства), Гаврусевич, представитель Бандеры в Берлине Владимир Стахов (Володымыр Стахив) и помощники Стецко – Старюк и Ильницкий[185]. Всех собрали в Берлине, они были допрошены в полиции и офицерами вермахта. Немцы, однако, были предусмотрительны, ибо понимали, что в тот момент для наступающих германских армий могут быть созданы значительные трудности, если в Галиции возникнут беспорядки из-за решительных мер против руководителей ОУН[186]. В то же время они предупредили бандеровцев о возможных серьезных последствиях их действий, побуждали их лидеров отозвать акт и согласиться на статус в Восточной Галиции, сходный с таковым Украинского центрального комитета в Кракове. Бандера и его сторонники отказались; однако их не посадили в тюрьму. Напротив, номинально находясь под домашним арестом, они были

---

[182] Интервью 62. Пробуждения русского патриотизма особенно опасались офицеры Верховного командования вермахта (OKW), по свидетельству одного из помощников Стецко (интервью 29).

[183] Интервью 62. 444-я дивизия безопасности 1с до 13 января 1942 года воздерживалась от издания приказа, по которому сторонники Банд еры и Мельника, проникшие на оккупированные территории по фальшивым пропускам, выданным якобы вермахтом, арестовывались и передавались в спецгруппы СС (SS Einsatzgruppen).

[184] *Стецко.* ЗО червня 1941. С. 256 и далее; интервью 24, 36, 44, 67. Ср.: *Ильницкий.* Deutschland und die Ukraine. Vol. IL С. 187, где датой ареста указано 11 июля.

[185] *Мірчук.* Акт. С. 38—39.

[186] Как позже писал глава Винета – бюро министерства пропаганды по вопросам восточных территорий: «Бандера и его ближайшие сторонники были арестованы, но умной тактикой мятежа удалось избежать». Тауберт Розенбергу, 17 февраля 1944 года, Осе Е-4 (1), в Yiddish Scientific Institute (далее Qcc E4 (1)).

вправе продолжать политическую деятельность в Берлине; Стецко даже смог съездить в Краков, где консультировался с Лебедем, которому он тайно передал командование всеми операциями на украинской территории.[187]

Тем временем волна, поднятая провозглашением, все еще работала в Галиции на Бандеру. Несколько неоуновских администраторов, которые были при Стецко и Ребете, когда их арестовывали, испытали тошнотворное чувство, видя, как к украинцам, которые до этого создавали о себе впечатление ответственных лидеров, действующих в согласии с немцами, на этот раз отнеслись как к капризным детишкам, вышедшим за границы дозволенного[188]. Большинство населения, с другой стороны, не знало о действительной подоплеке отъезда лидеров бандеровской группировки. В городах Восточной Галиции люди, радуясь ниспровержению советского правления, предполагали, что независимость Украины действительно является свершившимся делом, и приветствовали новое «правительство», с восторгом заверяя его в верности.[189]

С самого начала войны бандеровская группировка взялась за осуществление еще одного амбициозного плана. Совершенно недовольная перспективой учреждения правительства на прежних польских территориях, ОУН-Б решила распространить свое влияние и на Восточную Украину. Сторонники Бандеры понимали, что это будет чрезвычайно медленный процесс подчинения одного города за другим, а в случае оппозиции со стороны немцев такое развитие событий и вообще может быть быстро приостановлено. Исходя из этих соображений, в последние месяцы перед началом войны бандеровцы тайно организовывали группы из молодых людей (и женщин) с той целью, чтобы они действовали как пропагандисты и организаторы в восточных областях. В последние дни июня эти образования, которые были известны под названием «похідни групи» (буквально «походные группы» или «маршевые группы») собрались (несомненно, вермахт закрывал на это глаза) в удобных пунктах вдоль восточной границы генерал-губернаторства.[190]

Две походные группы должны были пересечь Северную Украину. Одна, под руководством Мыколы Климишина, который сопровождал Лебедя в его бегстве из-под польского тюремного конвоя, имела пунктом назначения Киев[191]. Вторая группа, под предводительством Мыколы Сенишина, готовилась идти на Харьков. Третья оперативная группа, которая собиралась разбиться на несколько подгрупп, предназначалась для юга Украины[192]. Задачи перед группами стояли действительно амбициозные. Они должны были доводить до масс львовский акт, готовить «государственный аппарат» и создавать украинскую армию из бывших солдат Красной и польской армий[193]. Ресурсы, доступные для выполнения этих проектов на обширных просторах Украины, были едва ли соразмерными с масштабами задач.

---

[187] *Мірчук.* Акт. С. 39; интервью 24, 75. Стецко, Бандера и другие лидеры ОУН-Б были заключены в тюрьму 15 сентября 1941 года. Ср. Ausrufung der ukrainischen Staatsgewalt.

[188] Интервью 36.

[189] Українське слово (Станислав). 1941. 22 июля; Кремянецькій вісник. 1941. 9 августа. Эти газеты передал мне бывший лидер бандеровцев Володымыр Стахив, но они представляются мне подлинными.

[190] Наиболее глубокую и полезную работу о «походных группах» написал Лев Шанковский: *Лев Шанковський.* Похідни групи ОУН. Мюнхен: Видавництво «Український самостійник», 1958. *Ільницький,* Deutschland und die Ukraine. Vol. IL S. 142—144, вкратце сообщает о происхождении этих групп. *Зиновій Матла.* Південна похідна група. Munich; Tsitsero, 1952. С. 4; *Мстислав З. Чубай.* Рейд організаторів ОУН від Попраду до Чорне море (Munich; Tsitsero, 1952. С. 4; *Є. Павлюк.* (Євген Стахів, брат Владимира Стахова). Боротьба українського народу на східноукраїнських землях, 1941—1944: спомини очевидця і учасника, Календар провидіння на 1947 рік, Стоваришення українськіх католиків в Америці (Филадельфия, Америка). С. 37; *Микола Чарторийский.* Від Сяну по Крим: спомини учасника III похідної групи-Пивден (Нью-Йорк: Говерла, 1951).

[191] *Матла.* Південна похідна група. С. 4; *Євген Стахів.* Боротьба українського народу. С. 37. Автор утверждает, что командиром был Дмытро Мырон, но Матла, похоже, был ближе к осуществлению этих операций.

[192] *Матла.* Південна похідна група. С. 4.

[193] *Чубай.* Рейд організаторів ОУН. С. 6.

Группы были неодинаковые по численности, но каждая насчитывала не один десяток человек. Для передвижения на приличные расстояния они были снабжены велосипедами и фургонами; некоторым группам повезло с мотоциклами, и на всех был выделен один автомобиль. В Кракове с помощью тех, кто работал в легальной прессе, тайком заготовили множество пропагандистских листовок, но далеко не в миллионах экземпляров.[194]

Нехватку материальных ресурсов группы компенсировали предприимчивостью. В первые же дни они поняли, что немцы не намерены оказывать им сердечный прием, и поэтому решили обходить большие города и места сосредоточения немецких войск. Когда встреч нельзя было избежать, они шли напрямую и иногда заявляли, что являются «эмиссарами независимого украинского государства». Командиров и солдат вермахта раздражало присутствие незваных гражданских лиц в зоне их операций. Однако большинство из них слышали о сотрудничестве молодежного движения с германскими властями. Более того, во многих случаях они проявляли несомненную симпатию к украинским националистическим чаяниям, поскольку им уже довелось увидеть трогательную благодарность, с которой украинцы приветствовали своих предполагаемых освободителей от советской тирании, и их готовность сотрудничать в борьбе против большевистского режима. И офицеры прифронтовой полосы просто говорили молодым людям, чтобы они отправлялись обратно в Галицию, не применяя против них законов военного времени. Бесшабашные молодые люди соглашались повернуть обратно, но, едва скрывшись с глаз, выбирали обходные пути на восток.[195]

В результате в светлые летние месяцы этим группкам, тащившимся вслед за могущественным вермахтом, удавалось-таки осуществлять кое-что из своих программ. В августе северная оперативная группа достигла Житомира, где помогла группе местных жителей создать администрацию на весьма краткий срок и вызвать столь же недолговременный энтузиазм среди молодых горожан[196]. Южная группа покрыла даже большее расстояние; она шла в июле по Галиции, ведя пропагандистскую работу, в конце месяца достигла Винницы, а 2 сентября была в Днепропетровске (Екатеринославе, или, более романтично, в Сечеславе), в восьми сотнях километров от начального пункта движения.[197]

Менее живописными, но потенциально более важными были воинские формирования бандеровцев. Как выше отмечалось, «Нахтигаль» приняла участие во взятии Львова, где ее командиры сыграли большую роль в проведении организационных мер в духе бандеровской группы. Хотя офицеры вермахта, курировавшие «Нахтигаль», знали о роли преподобного Грыньоха, Шухевича и Георгия Лопатинского в акте, они защищали их от ареста[198]. «Нахтигаль» пошла и дальше на восток вместе с вермахтом и в конце августа достигла Винницы, где люди из состава этой части вступили в негласный контакт с южной оперативной группой.[199]

«Роланд» же, с другой стороны, не имела прямого отношения к действиям в Галиции. Перед началом войны эта часть была направлены через Венгрию в румынскую Буковину. Имели место значительные трудности в отношениях с румынами из-за попыток украинских националистов установить контакт с местными украинцами – румынскими подданными. После начала войны, однако, эта часть была направлена вслед за наступающими немецкими войсками через Бессарабию, за Днестр, на украинскую этнографическую территорию к северу от Тирасполя, где и оставалась до начала сентября.[200]

---

[194] Там же. С. 14 и далее; *Матла.* Південна похідна група. С. 4.

[195] *Чубай.* Рейд організаторів ОУН. С. *29.*

[196] *Євген Стахів.* Боротьба українського народу. С. 39.

[197] *Матла.* Південна похідна група. С. 9.

[198] Интервью 63. Не путать Георгия Лопатинского с его братом Владимиром, упомянутым выше, который был убит в 1941 году.

[199] Там же; *Матла.* Південна похідна група. С. 9—10.

[200] *Ортинський.* Дружини українських націоналістів. С. 4. После того как ОУН-Б запретили, эти две части (под их

В то время как самая молодая украинская националистическая партия добивалась все новых, хотя и переменных успехов, ее главный конкурент не дремал. Отход большей части галицкой молодежи от «законной» ОУН под началом Мельника нанес ей действительно тяжелый удар. Однако ОУН сохранила несколько очень важных позиций.

Во-первых, не все молодые люди присоединились к раскольникам; довольно много молодежи Галиции и Волыни осталось на стороне старших, то же, вероятно, можно было сказать и о большей части молодого поколения в Закарпатской Украине и Буковине. Во-вторых, старшее поколение националистов имело куда больший опыт, чем молодые бунтари; это должно было быть особенно ценным применительно к действиям на востоке Украины, где большинство старших людей пережило революционный период. А где опыт, там и связи, ибо Коновальцу удавалось поддерживать кое-какие связи со своими сторонниками в Восточной Украине[201]. В-четвертых, ОУН-М, хотя, похоже, временно оказалась вытесненной в планах вермахта ее конкурентом, никогда в действительности не теряла связи с немцами и была готова извлечь выгоду из этой связи, как только бандеровцы лишатся немецкого покровительства. 6 июля 1941 года несколько ведущих украинских националистов, которые служили офицерами в Украинской республиканской армии, присоединились к Мельнику в адресованном Гитлеру обращении, которое было направлено через абвер. Подписали обращение, помимо Мельника, который обозначил себя просто как «полковник в отставке», генералы Омельянович-Павленко и Капустянский, полковники Сушко, Стефанив и Дьяченко, а также Мыхайло Хроновят. Обращение гласило:

«Украинский народ, многовековая борьба которого за свою свободу не имеет равных в истории других народов, от всей души поддерживает идеалы Новой Европы. Весь украинский народ жаждет принять участие в реализации этих идеалов. Мы, старые борцы за свободу в 1918—1921 годах, просим, чтобы нам вместе с нашей украинской молодежью позволили принять участие в крестовом походе против большевистского варварства. За двадцать один год оборонительной борьбы мы принесли кровавые жертвы и страдаем особенно в настоящее время от ужасного избиения многих наших соотечественников. Мы просим, чтобы нам позволили идти плечом к плечу с легионами Европы и нашим освободителем – германским вермахтом, и поэтому просим разрешить нам создать украинское военное формирование».[202]

Готовность пристегнуться к нацистской колеснице, выраженная в этом обращении, оказалась, однако, бесплодной, потому что самоуверенные нацистские лидеры не были настроены обзаводиться союзниками, которые впоследствии могли принести массу неприятностей. Меньше чем через месяц после обращения Мельника УНО было вынуждено объявить, что немцы разрешают восточным украинцам, которые были раньше советскими гражданами, но не тем, кто никогда не жил при советском режиме (сюда входила основная часть эмиграции), поступать на службу в полицию. Она предупредила своих членов, что некоторые, кто попытались пробраться на восток Украины, были «интернированы» и выпущены только после вмешательства берлинского штаба УНО.[203]

Сам Мельник довольно характерно отреагировал на новую ситуацию, чем еще раз проявил умеренность политики и сомнительную эффективность своих подходов. Вскоре после начала войны он обратился ко всем «националистам» с призывом к единству во имя реше-

---

первоначальным названием «Учебный полк «Бранденбург») стали использоваться абвером для специальных задач типа борьбы с советскими партизанами и диверсиями. Начальник Abwehrabteilung II (Lahousen) – офицерам связи армии и штабу армейской группы, 16 января 1942 г.

[201] Ср.: *Юрій Бойко.* Євген Коновалець і осередно-східні землі. 1947. С. 34—50.

[202] Chief of the SP and the SD, Report on Events in the USSR, No. 15, Iuly 7, 1941, NO 5154 (hereafter referred to as NO 5154).

[203] Український вісник. 1941. 24 июля. С. 4.

ния новых больших задач, открывающихся перед движением, и просьбой прекратить действия фанатиков-фракционеров. Далее он убеждал всех не забывать о целях национализма, с тем чтобы подойти с удовлетворительными итогами к третьему великому съезду украинских националистов (дается перевод названия с английского. – *Примеч. пер.)*[204]. Последнее утверждение – очевидный намек на то, что, как бы сторонники Бандеры ни были неудовлетворены результатами второго съезда, у них появляется шанс продвинуть свою программу на новом съезде, если только они вернутся на путь истинный. Перед лицом опрометчивых, но энергетичных действий, которые осуществлял краевой Провод в первую неделю войны, такому обращению было суждено быть воспринятым скорее как показатель слабости, чем как подлинное выражение стремления к согласию, коим, скорее всего, оно и было в действительности. Очень вероятно, что не поправило ситуации и более позднее, спустя несколько недель, обращение Мельника ко «всем украинцам», в котором декларировалась его готовность забыть все, что имело место, если все возвратятся в лоно ОУН и продемонстрируют добрую волю.[205]

Даже если такие сентиментальне доводы и могли повлиять на настроения раскольников, их эффект был сведен к нулю, в частности, тем, как сторонники Мельника отреагировали на немецкие меры против мятежа Стецко (имеется в виду не согласованная с немцами инициатива «провозглашения независимости» во Львове. – *Примеч. пер).* Вероятно, соответствует действительности то, что прямое сотрудничество с германской полицией было инициативой отдельных лиц вроде Шушкевича, предпринятой без согласия или даже постановки в известность Провода. Однако можно понять, что благодаря сотрудничеству таких людей с айнзатцгрупп сторонники Бандеры сделали вывод, что их противники были в союзе с оккупационной державой. Более того, если группировка Мельника, как таковая, и не сотрудничала с немцами против другой фракции ОУН, она наверняка получила удовлетворение от провала последней. 16 июля орган ОУН перепечатал содержание интервью Байера корреспонденту «Краковских вестей», в котором этот официальный германский представитель, только что вернувшийся из Львова, опроверг сообщения, распространенные Украинским национальным комитетом, о том, что там было сформировано «западноукраинское региональное правительство» под руководством Стецко и что вермахт в лице доктор Ганса Коха признал «украинскую администрацию» на «собрании» во Львове.[206]

Сторонники ОУН-М также поспешили в Восточную Галицию, чтобы обеспечить себе долю в контроле над регионом. Бандеровцы, конечно, быстро лишились власти во Львове, хотя, как отмечалось, последствия их мятежа еще в течение некоторого времени ощущались в областях, далеких от главного города Галиции. Когда стало очевидно, что немцы не оказывают помощи Стецко, поддержка украинцев тоже быстро сошла на нет. В конце июля совет старейшин, который он образовал, был расширен на семнадцать новых членов и переименован в Национальный совет[207]. Очевидно, тут не обошлось без германского влияния; наряду с изменением названия произошли и кое-какие изменения в составе, мельниковцам разрешили заменить сторонников ОУН-Б[208]. Константин Левицкий ушел в тень; с большим

---

[204] Наступ. 1941. 28 июня.

[205] Наступ. 1941. 19 июля.

[206] Український вісник. 1941. 16 июля. С. 3.

[207] Енциклопедія українознавства, изд. Володымыр Кубийович и Зенон Кузеля. Мюнхен: Наукове товариство ім. Шевченка, 1949. С. 587.

[208] Ausrufung der ukrainischen Staatsgewalt; Chief of the SP and the SD, Report on Events in the USSR, No. 34, Iuly 26, 1941. P. 11, NO 2954 (hereafter referred to as NO 2954). Ср. *Паньківський*, Від держави до комітету. С. 72 и далее, который утверждает, что некоторые члены ОУН-Б оставались в Национальном совете. Панкивский также проясняет, что Левицкий, хотя он в конечном счете вышел в отставку, играл важную роль в переходный период. И Панкивский, и Ильницкий *(Ільницкий.* Deutschland und die Ukraine. Vol. II. S. 216 и далее) описывают долгие споры в рамках Национального совета по поводу позиции, которую следует занять в отношении включения Галиции в генерал-губернаторство.

нежеланием доктор Константин Панкивский, который до войны был мелким политиком в составе УНДО, не связанным ни с одним крылом ОУН, принял руководство «секретариатом», действовавшим в качестве исполнительного органа[209]. Несколькими неделями спустя организация была переименована в Украинский краевой комитет, во главе которого остался Панкивский.[210]

Тот факт, что роль ОУН-М в реорганизации администрации в Восточной Галиции после фиаско бандеровских лидеров была более ограничена, чем ее роль в создании украинской администрации в Кракове в 1940 году, не слишком сильно, вероятно, беспокоил в тот момент ОУН-М, поскольку ее первейшим желанием было использовать возможность вторгнуться в пределы Восточной Украины. Было использовано два типа вторжения. Пользуясь давними связями с немцами, сторонники Мельника обеспечили себе множество должностей переводчиков, консультантов и прочих в частях вермахта. Эти посты давали теперь право попасть на восток легальным путем. Но, поскольку мельниковцы опасались, что немцы наложат ограничения на националистическую деятельность, они не делали ставку лишь на легальные средства. Подобно бандеровцам, но полагаясь в значительно большей степени на сотрудничество с германскими властями, которое они рассчитывали обеспечить благодаря связям с вермахтом, лидеры мельниковцев организовали ряд групп, которые должны были направляться в Восточную Украину без специального разрешения. Как и бандеровский проект, мельниковский предусматривал создание трех основных групп. Северная должна была пересечь Волынь через Житомир по направлению к Киеву, а в конечном итоге ей следовало дойти до Харькова. Центральная группа должна была следовать маршрутом бандеровской южной оперативной группы через Винницу к Днепропетровску и затем на Донбасс. Наконец, как и у бандеровцев, южная группа мельниковцев должна была отколоться от основной массы в Виннице и следовать в Одессу и Николаев.[211]

Все эти группы, и особенно южная, намного уступали по численности подобным бандеровским. Они уступали бандеровцам и потому, что многие из их членов были за пределами самого активного возраста. Однако, к счастью для мельниковского предприятия, они получили незапланированное, но чрезвычайно ценное подкрепление в лице пяти с лишним сотен буковинцев, главным образом молодых и энергетичных людей. Овановское подполье на Буковине активизировалось с началом войны, а после того как румынские и венгерские войска вступили в эту область, ОУН до середины июля действовала открыто. Затем румынские власти, беспокоясь, что возвращение Румынией области будет поставлено под угрозу украинским движением независимости, стали подвергать националистов жестоким репрессиям. В некоторых районах имели место настоящие схватки между украинскими националистами и румынской жандармерией. Последняя оказалась слишком крепким орешком для овановских сил. Многие молодые люди из украинских групп сопротивления сбежали на север. Некоторые перебрались на восток Украины, другие через Галицию в Винницу[212]. Здесь при помощи ОУН-М, сотрудничавшей с немцами, большое число их было завербовано во вспомогательные полицейские формирования, другие же тем не менее ушли дальше – на Киев, Житомир, Умань и Проскуров, где многие вошли в промельниковские полицейские части. Другой группе, намного меньшей, удалось пересечь юго-запад Украины в сторону Николаева, где они основали центр ОУН-М.

---

[209] Енціклопедія українознавства. С. 587; Наступ. 1941. 1 ноября; интервью 36.

[210] Интервью 36.

[211] ОУН у війні, информационная секция ОУН (УНР). 1946. Апрель. С. 52—54.

[212] Там же. С. 51; Доклад № 10 представителя рейхсминистерства по делам оккупированных восточных областей в войсковой группе «Зюд» капитана доктора Ганса Коха (Report No. 10 of the Representative of the Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete at Heeresgruppe Süd, Captain Dr. (Hans) Koch, October 5, 1941, PS 053 (далее как PS 053); Chief of the SP and the SD, Report on Events in the USSR, Iuly 1, 1941. C 21—22.

Крупной базой мельниковцев в Восточной Украине в конце лета 1941 года был, однако, Житомир. Ситуация в Житомире особенно важна. Первая база ОУН-М в Восточной Украине, Житомир являлся также первым крупным городом к востоку от советской границы до 1939 года, открытым для националистической деятельности. Развитие событий в Житомире помогает объяснить роль националистического движения на востоке Украины в период его «медового месяца».

Эмбриональную «администрацию» ОУН-Б быстро отставили в сторону; очевидно, сторонники националистов в городах, ранее приветствовавшие бандеровцев, теперь перешли на сторону ОУН-М, не очень-то отдавая себе отчет о разногласиях между фракциями. Хотя мельниковцы служили стимулирующим фактором, гораздо большую часть работы по созданию новой администрации проделали люди из местных жителей, типа главы администрации области Александра Яценюка, руководителя городской администрации Павловского и почти всех глав его департаментов[213]. Появилось множество националистических организаций, включая «Просвиту», церкви и действующий театр. В украинских радиопрограммах с разрешения немцев участвовали местные артисты. Были вновь открыты школы, включая две гимназии и педагогический институт, была создана местная школьная администрация.[214]

Население города после депортации евреев уменьшилось до 42 тысяч (включая 7 тысяч поляков и 2 тысячи русских). Однако экономическую жизнь стимулировало возобновление работы сахарно-рафинадного завода и других промышленных предприятий; были вновь открыты рынки, поощрялось частное предпринимательство[215]. В городе имелось 179 врачей – весьма много по отношению к общей численности населения[216]. Образовалось чрезвычайно активное молодежное объединение, ставшее известным на западе Украины как Сечь (Січ); оно занималось организацией спортивных состязаний, хорового пения, театральных кружков, создало оркестр.[217]

Все эти организации контролировались украинскими националистами, хотя основной задачей было создание украинского территориального государства, которое объединило бы людей любого этнического происхождения, живущих на украинской земле. И таким образом получилось, что одним из главных административных должностных лиц – главой администрации района (то есть сельского района вне города (так в тексте. – *Примеч. пер.)* был поляк, а начальником экономического отдела городской администрации – русский[218]. Похоже, между местными группами и представителями ОУН, пришедшими с запада, сложились весьма сердечные отношения. Многие местные граждане, главным образом молодые люди да и кое-кто из административных должностных лиц, присоединились к националистической организации. Поддержка была настолько сильна, что появилась возможность организовать новую местную организацию («Краєва Екзекутива») мельниковцев, во главе которой встали сын главы областной администрации и еще один местный лидер[219]. В целом влияние ОУН-М в жизни Житомира к концу лета 1941 года было преобладающим.

---

[213] *Федір С. Єфременко.* Краківські вісті. 1941. 1 ноября. С. 2; Sicherungsdivision Section VII, Report of October 4, 1941, NOKW2129 (далее как NOKW 2129).

[214] Українська дійсність. 1941. 1 октября; *Єфременко.* Краківські вісті. 1941. 24 и 26 ноября. С. 2 и 3; Краківські вісті. 1942. 25 августа. С. 5; Наступ. 1941. 6 сентября. С. 5. Ср. Chief of the SP and SD, Report of Einsatzgruppen and Kommandos, No. 187, March 30, 1942.

[215] *Ukraïns'ka Diisnist.* September 15, 1941, p. 1, based on *Ukraïns'ke Slovo* (Zhitomir), August 3, 1941; Iefremenko in Krakivs'ki Visti, October 26, 1941, p. 3.

[216] Краківські вісті. 1941. 24 октября. С. 2; многие, однако, были, очевидно, евреями, которых временно не тронули, поскольку они были полезны (Краківські вісті. 1941. 1 ноября. С. 2).

[217] Краківські вісті. 1941. 26 октября. С. 2.

[218] Там же. С. 2; и Краківські вісті. 1941. 1 ноября. С. 2.

[219] Интервью 12, 65; ср.: *В. Дружинник.* Краківські вісті. 1941. 10 октября. С. 2; ОУН у війні. С. 53.

Первые организаторы ОУН-М прибыли, похоже, с вермахтом. А первейшим среди них был Богдан Коник, из Галиции, занимавшийся прежде всего налаживанием полицейской службы. В конце июля вместе с молодым украинским журналистом с Карпат Георгием Тарковичем, чьи многочисленные статьи являются одним из главных исторических источников того периода (очевидно, для автора. – *Примеч. пер),* он с разрешения немцев направился в близлежащий лагерь советских военнопленных и набрал добровольцев в полицию[220]. Захвалинский, выходец с Восточной Украины, который когда-то состоял в Украинской республиканской армии, но проживший много лет во Франции на положении простого рабочего, был назначен начальником полиции. Он был сторонником Мельника. Заместителем был выбран Календа, из местных, человек, не связанный с какой-либо фракцией, а адъютантом начальника стал буковинец, сторонник Мельника.[221]

Главная задача полиции состояла в том, чтобы подготовиться к обоснованию в Киеве, после того как столица попадет в руки немцев. Для той же цели, вполне очевидно, создавалась газета «Українське слово»; этот орган был предназначен для скорейшего перевода в Киев. И подготовка главных пропагандистов восточной группы ОУН-М шла полным ходом. Среди них были Иван Рогач, закарпатский украинец, Ярослав Чемеринский, один из ведущих писателей эмиграции, и Петро Олийник. При их деятельном участии было привлечено множество способных местных журналистов, хотя не все из них были сторонниками Мельника.[222]

Все эти приготовления служили фоном для более знаменательного события в развитии житомирской базы – прибытия туда лидеров фракции с целью взять в свои руки руководство кампанией по завоеванию Восточной Украины. Сам Мельник остался на прежнем месте, возможно, потому, что его отъезд вызвал бы подозрение немцев, но верхушку Провода представляли и Сенык, и Сциборский.

С ними прибыл доктор Кандыба, сын известного восточноукраинского поэта, жившего в эмиграции. Кандыба, более известный как Ольжич, был достаточно молодым человеком тридцати с лишним лет. Хотя он учился на археолога, в течение нескольких лет был одним из видных лидеров ОУН, но не входил в Провод. Теперь ему было поручено заниматься группами, выдвинувшимися в Восточную Украину.[223]

Эти три лидера пересекли Галицию в середине августа, сделав краткую остановку во Львове. Они вели себя осмотрительно, стараясь не рекламировать свою поездку; по-видимому, ни в Галиции, ни по пересечении границы Волыни, где требовался специальный пропуск, немцы им не досаждали. ОУН-М всегда отрицала, что будто бы имелось какое-либо соглашение с немцами относительно этой поездки, но весьма вероятно, что высокие должностные лица вермахта были в курсе этого, по крайней мере неофициально. Во всяком случае, достигнув Житомира в последних числах августа, лидеры ОУН действовали там весьма открыто. Однако внезапно их миссии был положен конец.

В семь часов тридцать минут теплого летнего вечера 30 августа, когда Сенык и Сциборский, возвращаясь с собрания местной полиции, подходили к главному перекрестку Житомира, к ним приблизился молодой человек и несколько раз выстрелил в них из пистолета. Одна пуля прошла сквозь шею Сеныка сзади, он умер сразу. У Сциборского пуля прошила обе щеки, и он умер через несколько часов от потери крови.[224]

---

[220] Ср.: *Таркович.* Краківські вісті. 1942. 21 января. С. 2; интервью 35.

[221] *Дружинник.* Краківські вісті. 1941. 10 октября. С. 2; интервью 65.

[222] Наступ. 1941. 8 ноября. С. 3—5; интервью 3, 65.

[223] ОУН у війні. С. 54.

[224] Наступ. 1941. 20 сентября. С. 3 и показания свидетелей преступления; интервью 35.

Убийца был застрелен украинскими и немецкими полицейскими, когда пытался бежать; тут же подошла машина немецкой полиции и увезла труп убийцы. Было трудно определить, кто подстроил убийство. Паспорт убийцы, однако, показал, что это был Степан Козый и что он был западноукраинцем[225]. Почти сразу сторонники Мельника обвинили в заказе убийства ОУН-Б, утверждая, что Козый состоял в той группе. Их утверждения подтверждали следующие обстоятельства: 1) ожесточенные нападки со стороны ОУН-Б на двух убитых лидеров[226]; 2) факт, подтверждаемый секретным сообщением одного из самых компетентных немецких специалистов на Украине, что бандеровцы распространяли в Киеве листовки, оправдывающие эти убийства, сразу после того, как они свершились[227]; 3) существование секретной директивы Провода ОУН-Б, в которой говорилось, что мельниковским лидерам нельзя позволить добраться до Киева. Сторонники Мельника в то время упоминали о «смертном приговоре», вынесенном бандеровским руководством этим двум лидерам задолго до убийства. Обсуждая абсолютно не связанные с этим события, один пробандеровский автор недавно заявил, что решениями «второго бандеровского конгресса» эмиссарам Мельника запрещалось работать на Украине[228]. Совершенно определенно, лидеры ОУН-М знали, что сторонники Бандеры могут применить к ним насильственные меры. Приверженцы ОУН-М сообщали вскоре после убийства, что друзья предупреждали Сеныка и Сциборского об опасностях со стороны конкурирующей фракции[229]. После войны официальный источник ОУН-М указывал на предупреждение общего порядка, изданное Мельником весной 1941 года, относительно планов убийства лидеров ОУН-М, разрабатываемых конкурентом.[230]

ОУН-Б, с другой стороны, всегда отрицала причастность к преступлению. По ее утверждениям, это была работа либо германских агентов, которые стремились ослабить ОУН-М, уничтожая ее лидеров, порой выступавших против немецкой политики, и которые в то же самое время намеревались повернуть украинское общественное мнение против группы Бандеры, либо работа коммунистов в попытке породить конфликт между двумя националистическими партиями. Некоторое доверие к последней теории порождает тот факт, что сразу после убийства ОУН-М охарактеризовала Козыя как «твердого коммуниста», который, однако, примкнул к группе Бандеры[231]. Трудно сказать, были ли какие-то основания для таких утверждений, поскольку мельниковцы очень старались привязать бандеровцев к Москве, которая, по их утверждениям, и организовала эти убийства, как и убийства Петлюры и Коновальца[232]. С тех пор, однако, появились слухи, что один украинец, который являлся, по распространенному мнению, бывшим коммунистом, состоял в контакте с Сеныком и Сциборским, в чье окружение, подозревают, могли внедрить предателя советские агенты.

Ввиду этих противоречий невозможно выяснить, кто был реальным заказчиком преступления. Зная принципы и характер бандеровцев, нужно, однако, признать, что такой поступок не был бы для них вопиюще отталкивающим. Издание столь категорического приказа, подобного упомянутому, в кризисной атмосфере того периода легко могло привести опрометчивого молодого члена ОУН-Б к совершению убийства. Был ли дан прямой приказ,

---

[225] Наступ. 1941. 20 сентября. С. 3 и показания свидетелей преступления; интервью 35.

[226] Статья «непартийного корреспондента»: Наступ. 1941. 11 октября. С. 4. В ней говорилось, что Бандера давно заявлял, что Сеныk и Сциборский будут первыми, кого он уничтожит «на украинских землях».

[227] PS 053.

[228] Наступ. 1941. 20 сентября. С. 1; *Чубай.* Рейд організаторів ОУН. С. 54.

[229] *Микола Галаган.* Український вісник. 1941. 28 сентября. С. 2.

[230] ОУН у війні. С. 43.

[231] Наступ. 1941. 20 сентября. С. 3.

[232] Там же. 1941. 4 октября. С. 4; ср. Chief of the SP and SD, Report on Events in the USSR, No. 101, October 2, 1941. P. 3—4, NO 3137 (далее как NO 3137).

или эта акция могла быть следствием более общего приказа, изданного бандеровским Проводом, – эти вопросы, скорее всего, останутся без ответа.

Расправа имела прямые последствия. Во-первых, резко обострилась напряженность между двумя фракциями ОУН. Группа Мельника немедленно развернула неистовую кампанию в прессе против оппозиционной партии. Утверждалось, что ОУН-Б в предшествующие три месяца осуществила целый ряд убийств мельниковцев. Этот ряд предположительно включал в себя регионального руководителя Ивана Мицыка и его заместителя на Волыни Александра Куца и двух лидеров походных групп ОУН-М – Шульгу и Шубского[233]. В передовой статье в «Наступе» было заявлено, что «время амнистии для них (бандеровцев) прошло и их грехи не могут быть прощены»[234]. Мельник, однако, отказывался давать санкцию на репрессалии насильственного характера. В том же номере «Наступа» он возложил полную ответственность за преступление на «отщепенцев», но ограничился призывом, чтобы все украинцы воздерживались от контактов с ними, и выразил надежду, что трагедия очистит украинскую национальную жизнь от преступности и анархии.[235]

Независимо от ответственности, которую они, возможно, несли за убийства, сторонников Бандеры скоро настигла кара. Немцы арестовали всех членов ОУН-Б в самом Житомире, и некоторые из них были казнены. В начале сентября айнзатцгрупп СС арестовали и казнили большинство членов трех подгрупп южной оперативной группы в Балте, Николаеве и крымском городе Джанкое[236]. В Николаеве, по крайней мере, члены ОУН-М сообщили о своих конкурентах-бандеровцах немцам[237]. Экспедиция на южный полуостров была любимым проектом ОУН-Б, и полное уничтожение группировки разрушило их надежды. Кроме того, хотя некоторые бандеровцы сумели уйти в подполье, деятельность ОУН-Б в Кировограде и Кривом Роге, а также в других районах юга Центральной Украины была серьезно подорвана. Еще большее уныние у бандеровцев вызвал тот факт, что немцы положили конец деятельности подразделений северных оперативных групп, которые направлялись в Киев, чтобы «провозгласить» там украинское государство, как это было сделано во Львове. Немцы разогнали их в Василькове и Фастове[238]. Некоторые из членов групп бежали в Полесье, где скрывались в лесах, а кое-кто тайно проник в столицу. Примечательно для характеристики руководства будущих операций, что оставшимся главным центром ОУН-Б был Днепропетровск.

Кажется невероятным, что негодование по поводу убийств спровоцировало репрессии против бандеровцев, ввиду как минимум презрительного отношения, с которым в СС относились ко всем украинцам. Однако доклады СС и тайной полиции этого периода четко показывают, что полномасштабные репрессии не проводились, пока ОУН-Б не совершила «убийств многочисленных сторонников Мельника»[239]. Очевидно, что решение принять решительные меры против бандеровцев складывались в эсэсовских кругах в течение нескольких недель. Негодование по поводу бунта Стецко, который открыто расклеивал призывы Климова к тайному сбору оружия для нужд будущей украинской армии, и упрямое

---

[233] Наступ. 1941. 20 сентября. С. 3; ОУН у війні. С. 48.

[234] Там же.

[235] Наступ. 1941. 20 сентября. С. 1.

[236] *Матла.* Південна похідна група. С. 22. На то, что не все аресты были частью общего плана, указывает тот факт, что некоторые из них осуществлялись румынами в их оккупационной зоне. Румыны предупредили украинцев, чтобы они убирались из их зоны, но что их не интересует, что те делают по ту сторону демаркационной линии (ср.: *Чубай.* Рейд організаторів ОУН. С. 56). Казни в Житомире, очевидно, имели место сразу после убийств (напр.: *Стахів.* Боротьба українського народу. С. 39). По уничтожению крымских групп см. также Activity and Situation Report No. 6 of the Einsatzgruppen of the SP и SD in the USSR, 1941, NO 2659 (hereafter referred to as NO 2659).

[237] Обвинения на этот счет Матлы, «Південна похідна група». С. 22, подтверждены в NO. 3137.

[238] PS 053.

[239] PS 3876.

стремление оперативных групп на восток, несомненно, сыграли свою роль. Вдобавок в СС стекались разнообразные слухи относительно деятельности групп, включая такие невероятные, как планирование ими восстания против немцев, а также следует упомянуть неправдоподобную версию, будто действия их групп были инспирированы коммунистическими агентами. Основной причиной репрессий в то время, похоже, было намерение айнзатцгрупп СС произвести полную чистку на востоке Украины, чтобы поставить ее под тотальный германский контроль, и подготовить западные земли к введению гражданского управления[240]. Негодование сторонников Мельника, вызванное убийством их товарищей, и сочувствие, выказанное многими другими украинскими националистами, по всей вероятности, просто использовались как оправдание для безжалостного уничтожения другой националистической группировки.

В то время как две мощные националистические группировки занимались лихорадочной деятельностью в новооткрытой Украине, группировка УНР была вынуждена играть второстепенную роль. Как отмечалось в предшествующей главе, группировка Левицкого установила контакт с подпольной группой в восточной части бывшей польской Волыни. Эта группа, которая была сформирована в свободной ассоциации с УНР перед самой войны как «Украинское национальное возрождение» («Українська національна відродження»), ушла в подполье, когда вошли советские войска. В 1940 году один из его членов, Тарас Боровец, техник каменоломни в районе Костополя, провел консультации с Андреем Левицким, которого считал главой украинского государства. Боровец беседовал с президентом и тремя его военными советниками (полковниками Валийским, Садовским и Литвиненко), составляя план развертывания партизанской организации. Боровец поддерживал также контакт с членом мельниковского Провода полковником Сушко, который обещал – несмотря на острые идеологические разногласия – направить силы ОУН-М на Волынь для сотрудничества с Боровцом. Последний, возвратясь на Волынь, начал приготовления к активным операциям[241]. Это маленькое подполье должно было стать ядром «Полесской сечи» («Поліська січ»), которой была отведена роль территориального подразделения Украинской повстанческой армии (Українська повстанська армія – УПА)[242]. Это формирование не могло, однако, начать реальную деятельность, пока германское вторжение не ликвидировало советские репрессии. Тогда Боровец, который взял военный псевдоним Тарас Бульба – имя легендарного лидера украинского крестьянского восстания (так в тексте. – *Примеч. пер.)* – установил контакты с вермахтом, обеспечив разрешение развернуть «Полесскую сечь» как силу, которая должна была воевать с арьергардами советских войск и партизанами[243]. Начав с кампании набора в районе города Людвиполя, он быстро собрал в свое нерегулярное войско около 10 тысяч человек.

---

[240] *An analysis* by the office of the Reichsaussenminister of the contents of the Activity and Situation Reports Nos. 1—5 of the Einsatzgruppen of the SP and the SD in the USSR, Iuly 31-Septernber 31, 1941, NO 2650 (hereafter referred to as NO 2650). Cf. Chief of the SP and the SD, Report on Events in the USSR, No. 81, September 12, 1941.

[241] См.: *Тарас Боровец.* Армія без держави: Спогади (Winnipeg: Volyn, 1981). С. 273—286; «Гриценко», Армія без держави//Українські вісті. 1950.28 декабря. С. 2; Зборойна боротьба України (1917—1950), 1951. С 7-Ю; и интервью 37.

[242] Боровец и его сторонники (см. предыдущую сноску) всегда утверждали, что это они придумали название УПА; он показывал мне удостоверение, выданное его группой в 1941 году, на котором проставлен штамп «Украинская повстанческая армия». Хотя некоторые сторонники Бандеры вроде Мыколы Лебедя («УПА, Повстанська армія/Пресове бюро УГВР, 1946. С. 26) утверждали, что название родилось в ОУН-Б, в настоящее время многие признают приоритет Боровца (интервью 76).

[243] Commander Army Rear Area 103, Ic, 968/41, Besondere Anordnungen für die Behandlung der ukrainischen Frage; Chief of the SP and the SD, Reports from the Occupied East, No. 4, May 22, 1942, with the date of the individual report).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.